

«... детективная история, которая является... единственной существующей по-настоящему современной формой романа избавлена от человеческой природы тем что человек в ней с самого начала мертв»

Гертруда Стайн

« Якобы нет его»

Паракриминальная драма.

Эта история скрывалась в пелене густого дыма, и сотни рук не в состоянии раздвинуть полностью такую пелену. Вот что мне удалось увидеть сквозь завесу.

Бубновый валет и Пиковая дама.

В подъезде дома на Большой Грузинской стоял тяжелый, грозный запах газа. Чуть свет пришла уборщица, перепугалась, бросилась к диспетчеру. Тот позвонил, с сиреной прикатила машина МЧС. Источник был в пятнадцатой квартире. Мгновенно выставили дверь, пооткрывали окна, перекрыли газ. В одной из комнат на кушетке было тело – распластанная дама в немолодых годах, с ухоженным лицом, в спокойной позе, будто спит. На полу застыл в оскале миттельшнауцер.

Приехала милиция. Не обнаружили следов насилия, ни взлома двери. Покойница была хозяйкой дома, отравилась газом; похоже, всё устроила сама: задраенные окна, открытые на полную все краны газовой плиты. Везде снимали «пальцы», привычно делали осмотр, писали протокол.

Документы этой дамочки нашлись в шкафу. С фотографии в паспорте смотрела уверенная женщина еще не старых лет, чуть настораживала строчка с датой рождения: «22.06.1941». Здесь же были официальные неинтересные бумаги. Последним в руках следователя оказался конверт, надписанный четким почерком. Дама бездумно не жила. Она написала «Мое завещание». Но завещания в конверте не было, была записка:

«В случае моей смерти, я хочу быть спокойна, что моя последняя воля будет исполнена. Завещание мое я поручаю господину Сергею Юрьевичу Нойкину, адвокату. Один экземпляр у него, другой – в нотариальной конторе. Он любезно согласился на тот случай, если я уйду внезапно. И вообще, когда меня не станет. Мое завещание – не прихоть взбалмошной женщины. Я обещала брату. Он поручил, и твердо мне поверил. Если кто-то читает письмо, значит - меня нет в живых. Простите. Я очень всех любила. Маргарита Альцшулер.»

Оперативник прочитал послание и посмотрел на труп чуть не с сочувствием. «Она ещё и Маргарита», - внезапно промелькнуло в голове. Потом прошелся взглядом по картинам в тяжелых рамах на стене в гостиной.

Квартира походила на музей – от необычного старинного паркета, мебели с изогнутыми ножками, развешанных повсюду красочных полотен. С одного бесстыдно улыбались с деревенской простотой раздетые девицы, на другом – налезли друг на друга пустившиеся в пляс соборы с золотыми куполами, на третьей был нелепый юноша на фоне яркой тряпки. Впечатляющий домашний вернисаж.

В кабинете на стене висели фотографии – экспозиция Маргариты Альцшулер. В центре выделялись два черно-белых снимка. На них Маргарита была помоложе, рядом с ней – юный, веселый, симпатичный брюнет. Под первой фотографией, где парень нежно обнимал её за плечи, стояли непонятные слова: «Гватемал. Снимает Вхутемас». На втором фото они сидели рядом, голова Маргариты покоилась на плече молодого человека, и было подписано: «Наоборот». На других фотографиях Маргарита тоже была с молодыми людьми, с другими и по-своему красивыми. А Маргарита? Что же делать - время шло.

Понятыми были уборщица и сосед из квартиры напротив. Уборщица лишь изредка встречалась с этой жиличкой. Когда здоровалась - Альцшулер отвечала вежливо, весьма любезно.

Сосед здесь жил недавно, с Альцшулер был едва знаком. Он слышал, что она искусствовед, и одинока. Откуда знать, кто как к ней ходит?

- Какая-то Таисия Авдеевна, - не мог не вспомнить он. – Бывала часто.

На месте, в основном, разобрались.... Покойницу отправили на «скорой», отпустили понятых. Готовились уйти, когда из-за входной двери в прихожей появилась напуганная пожилая женщина. Она была обескуражена, совсем растеряна. Взгляд с робкою надеждой обращался к каждому.

- Я к Маргарите, - прошептала посетительница. – Где она?

Недоумение в её глазах переросло в тревогу. Один из оперов спросил её:

- Представьтесь, - и добавил. - Мы - милиция.

- Как не понять, - вздохнула женщина. – Таисия Лаврова, Маргаритина подруга. Договорились, что приду.

Таисия уже была готова, что услышит что-то жуткое. Узнав же, что произошло, спросила еле слышно:

- Кто её?

- Похоже, что сама.

- Исключено, - Лаврова отрицательно мотнула головой. И нарочито подтвердила:

- Этого - не может - быть.

- Вы так уверены? Подозреваете кого-то?

- Я просто её знаю....

Прозвучало это горько и уверенно. Потом Таисия слегка задумалась, и отвлеклась, и стала пристально разглядывать картину на стене. Не трудно было проследить, куда

направлен взгляд. Она уставилась на небольшой портрет, висевший чуть повыше остальных. На нём был молодой мужчина с гривой черных взъерошенных волос. В глазах Лавровой был упрек, или вопрос. Поэтому её спросили:

- Что с картиной? Что-нибудь не так?

Она вся вздрогнула, как будто в чем-то уличили. И неожиданно сказала:

- А что теперь здесь так? С картиной всё в порядке. Это – дед.

- Простите?

- Это дедушка Марго, Борис Петрович. Он её в школу провожал.

Оперативники закончили осмотр, воспоминания сейчас были некстати. Ведущий следствие продолжил уточнять:

- Когда в последний раз с ней виделись?

- Позавчера, - Лаврова всё ещё смотрела на портрет. – Мне нездоровилось, а Маргарита собралась работать. А где её нашли?

- На этой вот кушетке.

- Никогда бы не легла она в столовой.

« По мнению подруги - смерть не может быть самоубийством» - так записали в протокол.

- Вы можете дать знать её родным?

- Да никого и нет, - Таисия как будто извинялась. – Ну, разве Александр.

- Тут есть конверт для адвоката. Вы не в курсе?

- Наверно, это для Сергея. А как же хоронить?

- Вот телефон. Ваш – записали, с вами свяжутся.

Всё уточнили, Таисия могла уйти. Однако же Лаврова медлила, и дождалась, когда наклеили бумажку - опечатали квартиру.... Кивнула своим мыслям, лишь тогда ушла.

***

Добиралась Таисия Авдеевна к себе на Песчаную «на автомате», ничего вокруг не замечая. Какое – замечать?..., она и думать толком не могла, всё вспоминала. Мелькали вразнобой картины прошлых лет, и делали ещё большей нелепую, чудовищную правду,

что Маргарита умерла.... Как тут отказываться верить - ей рассказали, что произошло, и Маргарита в морге... Борис Петрович на портрете смотрел куда-то вдаль.... Вслед внучке..., может быть – навстречу?

Вдруг неожиданно припомнила, как первый раз пришла к Альцшулерам. Они с Марго в тот день из школы вышли вместе, за руки.

- Твоя подружка? – обратился к Маргарите величественный дяденька, он провожал её и приходил встречать.

- Да, Боря, и зовут её Таисия, - пролепетала Маргарита сидящему «барину», назвав его, как будто одноклассника. Таисия узнала лишь потом, что это дедушка, а звать по имени, а не по степени родства, заведено в таких домах, интеллигентных.

Тогда же просто удивилась. Когда пришли к Марго, случилось чудо - из захудалой коммуналки Таисия попала во дворец.

Какое – удивляться..., она была потрясена....

Их встретила немолодая дама, очень важная, приветливо кивнула.... Таисия потупилась, а Маргарита обратилась к этой женщине:

- Мы поиграем до обеда?

Игра была необычайно интересной – экскурсия по дому.

С тех пор в этой квартире ничего не поменялось. Уж если следователей впечатлила обстановка, каким же был восторг малышки Таи!

- Смотри, вот бабушка, - Маргоша пальцем указала на картину, где беззастенчиво стояла совсем раздетая, как в бане, полненькая девушка. Таисия не помышляла, что такое можно рисовать, тем более – повесить на стене. Сзади прозвучал величественный голос:

- Ты что, Маргошенька, малышка в первый раз меня сегодня видит, успеешь рассказать ей про портреты.

Таисия косилась на приветливую тетю, пыталась сравнить с раздетой девицей....

Обедали на белоснежной скатерти, совсем не так, как дома, да и еда была другого вкуса....

***

«Что ж вы, Борис Петрович, так недоглядели», - Таисия Авдеевна уже была в своем подъезде, заходила в лифт....

Вдруг память перекинулась на похороны Генки и Василия..., нет, Гватемала с Вхутемасом, как их загадочно дразнила Маргарита.... Стандартные гробы, два одинаковых покойника. У Гены, будто бы, гримаса – он вел машину, и случилась травма черепа.... А у Василия лицо, как будто спит - Таисия не отводила глаз, когда прощались. Машину закрутило, Василия ударил самосвал, через грудную клетку прямо в сердце.

Марго в тот день ждала на даче – пятидесятый день рождения.... Мальчишки мчались поздравлять - разбились насмерть. А Маргариту раздавило горе....

Уже потом к ней привязалось: «Же не се па пурква»....

«Ходила каждый день почти всю жизнь...», - Таисия достала ключ и на секунду замерла. Мелькнула мысль, - «надо сказать – пускай разыщут Алика».

Вздохнула обреченно, - «как же я?».

Решительно открыла дверь и крикнула с порога:

- Денис! Кончай валяться! Маргарита отравилась.

В коридорчик вышел молодой мужчина, лет тридцати, в костюме, словно офисный работник, и сходу удивился:

- Что за ерунда?

- Да..., ерунда, - Таисия Авдеевна кивнула, не могла не согласиться. И тихо досказала, – Марго переселилась к сыновьям.

- Она что, померла? – оторопел Денис. Потом всмотрелся пристально в Таисию, не стал спрашивать.

- Ты что, куда уходишь? – спросила женщина устало и без интереса. – Там где-то водка.... Мне не очень хорошо.

Мужчина проводил Таисию на кухню, достал бутылку и собрался уходить.

- Приедут принимать проект, я не могу не ехать, - он сокрушенно усмехнулся. – Всё собиралась познакомить, я так и не узнал твоей хваленой Маргариты.

Таисия Авдеевна кивнула: «Не успел».

Она плеснула в рюмку, глотнула водки, заварила кофе.... Все без конкретных мыслей, а с хаотичными воспоминаниями, сумбуром в голове....

Её преследовал портрет в Маргошиной столовой, и мысли постоянно возвращались к дедушке, черноволосому студенту с взъерошенной гривой.

Борис Петрович за обеденным столом опять спросил:

- Скажи, Маргошенька, какая выпала нам карта?

Ответила Маргоша звонко, соблюдая ритуал:

- «Бубновый валет», и в нашей колоде, он джокер.

- Ах ты, красавица, ты выросла под этими картинами, - довольно улыбался Боря.

Маргоша подрастала в галерее, картины были частью её жизни, ближайшим окружением. Она была искусствоведом от рождения – любила вспоминать про дядю Роберта, как он грозился ей шутливо: «Нарисуую!». И это - Роберт Фальк, тот самый, знаменитый.

Маргоша разбиралась, словно гид, когда водила Таю по квартире в первый раз.

- А вот – Лентулов, (про картину с множеством церквей). – А это Фальк, вот тут – Машков, а это – Ларионов. А эту вот картину рисовала Гончарова, Ларионова жена.

Таисия Авдеевна, при случае, смогла бы убедительно сказать – художники Бурлюки, Казимир Малевич.... Она узнала имена, и кто когда-то что нарисовал, что сохранилось в доме у Альцшулер. Однако дальше не пошло, и не могло пойти – картины ей не нравились, приелись, быстро надоели. Смекнула, что не надо говорить, молчала с умным видом.

Зато в подробностях запомнила историю, что дед рассказывал не раз. Он подружился с этими «авангардистами» ещё и до «Воздвиженки», той выставки, где необычные друзья Бориса, смелые художники, явили миру свой союз ниспровергателей.... «Бубновый», так сказать, «валет»....

Что тут скрывать – он перед ними преклонялся.

«Бубновалетовцы» его ценили – кто из художников не любит почитателей? Но Боря был все время рядом, хороший друг – ну, как не подарить картины, что он торжественно развесил у себя?

Марго, когда они с Таисией изрядно повзрослели, а дедушка ушел из жизни, звала Таисию рассматривать эскизы дедовых друзей, что он хранил в отдельных папках в сейфе. Там было очень много зарисовок.... Марго смотрела с трепетом, Таисия, при полном равнодушии, имела вид, что проявляет интерес. Её даже не трогало - а сколько это денег? Но тут другой вопрос, и очень важное достоинство подруги – отсутствовала жадность.

Марго уже была разведена, когда погибли её мальчики – в год смерти им исполнилось по двадцать пять. Дед с бабушкой лежали на Ваганьковском, как и родители – совдеповские люди, проходное поколение, когда природа отдыхала.

Был старший брат Борис, «несостоявшийся жених» - мелькнуло у Лавровой. Он жил отдельно – от искусства, от высокохудожественных деда и Марго.... Марго и вправду состоялась – кандидат наук, искусствовед.

Брат Боря жил один.... Литовская жена скончалась родами..., сын, большей частью, жил в Литве, у тетки. Та с ним с младенчества возилась, с племянником Марго.... Потом он пел..., верней – учился в Гнесинке. Наверное – единственный наследник. Надо сказать в милиции, найдут.

И эта жуть, как близнецы знакомились с Алешкой....

***

Она ещё хлебнула водки – как же дальше жить? Скорей бы шел Денис – одной и поминать невыносимо....

Лаврова резко осознала: что толку вспоминать и пережевывать, когда важнее понять, а - что произошло? И запульсировала мысль:

«Собачий бред – самоубийство.... Угробились мальчишки - не покончила с собой. Да что же я могу подумать – ничего. Мы с ней родные, но как можно - «поделиться». Трухлявое, паршивое словечко. Марго твердила: «индивидуальность». А я не лезла, и она меня терпела.

Не может быть, чтоб Александр. Хотя...? Сколько друзей перебивало, оставался только Сашка. Может..., Валера? что последние полгода? Отвратный тип.

Надо поехать – пусть милиция узнает. Кто там – любовники? А, может – проходимцы? Ведь кто-то постарался.... Бедная Марго.... Накаркала себе: пурква, пурква»

Таисия вдруг вспомнила: «А Шурик ведь не знает». Через минуту набирала телефон.

***

А тут придется рассказать: когда погибли Гватемал и Вхутемас, к Марго Альцшулер привязался рефрен романса, что напевает старая графиня в «Пиковой». Графиня повторяет по-французски: «Я не могу, не понимаю, почему?». Вот бедная Маргоша и твердила постоянно: «же не се па, пуркава?».

***

- Что там по делу на Грузинской? Разобрались с бабулей? - не утерпел и позвонил в медэкспертизу следователь Порываев. Патологоанатом доложил:

- Она не надышалась газом, в легких чисто. На сто процентов криминальный труп. Её сначала задушили, а потом - инсценировка.

Но следователь помнил обстановку - спокойную, домашнюю и мертвую Альцшулер на кушетке.

- Нет ни следов борьбы, сопротивления, - напомнил Порываев, - Альцшулер вовсе не смотрелась жертвой.

- Ну, значит, её ласково душили, аккуратненько - голос из морга был настроен на сарказм. – Не одеялом, а подушечкой.... Да, что мне вас учить....

- Я к вам заеду.

- Воля ваша, не изменит ничего.

Сотрудников отправили «работать» по Грузинской: возможно, не нашли, кто что-то видел. Лаврова собралась приехать завтра.

- Я спохватилась, я могу вам рассказать.... Но... только не сегодня, я устала, - Таисия Авдеевна была почти без сил. Но не скрывала торжества, узнав про экспертизу:

- Я говорила - Маргарита не сама.... Вы позвоните Александру, я ему сказала, - она настойчиво продиктовала номер.

- Он родственник?

- Да нет же, просто - близкий .... Любовник, прихлебатель, собутыльник, ухажер - я, толком, ничего сама не знаю....

Сказала: «буду завтра к десяти», и отключила телефон.

Андреев, Александр Олегович, тот «близкий» человек, готов был встретиться хоть сразу – было слышно, как он взбудоражен.

- Мы можем к вам подъехать, - отозвался Порываев.

- Нет, дайте адрес, - прозвучало в трубке, - я лучше сам.

И очень скоро был у кабинета. «Он с этой дамочкой висит на фотостенде в той квартире», - едва взглянув, отметил Порываев. Андреев повзрослел, от носа залегли морщины - налет брезгливости. Его безукоризненный костюм, роскошные часы – всё говорило об отсутствии финансовых проблем. Он начал сразу:

- Что за бред – самоубийство.... Ведь этого никак не может быть.

- Минуточку, - навел порядок Порываев. - Вы кто покойной будете? – спросил он сухо и официально.

- Не – будете, - Андреев взялся поправлять, а – есть.... Верней, теперь, наверно – был....

Потом он умудрился не напыщенно ответить:

- Я Маргарите - самый близкий друг.

- Так вот, - обрисовал картину Порываев. – Её, и вправду, задушили, экспертиза показала. Какие есть соображения?

Андреев, было видно, растерялся, и машинально буркнул:

- Никаких....

А дальше - двинулся по тексту, назревшему, как плод переживаний. Не надо было спрашивать – он сам повел рассказ. Бурлило в нем желание поговорить, припомнить, побеседовать, отвлечься и не думать, что нету больше госпожи Альцшулер, имевшей в его жизни, видно, значимое место.

- Что только про неё не говорили, – с тоской и болью вспоминал Андреев. – Развратная старуха, водит молодых.... Но все это - пустая болтовня.

Негодовавший Александр и не скрывал, что он гордится независимою старшею подругой, презревшей все нападки злопыхателей.

– Возможно, что она вампир, - сказал он, чуть не с торжеством, – её питали радость, силы и успехи молодых мужчин, которых она в «люди выводила». Но отдавала нам Марго намного больше, уж поверьте, и не рассчитывала ни на что взамен. Ей было нужно лишь доверье и возможность помогать.

У Порываева пошел десятый час дежурства.... Чего вот только не хватало, так этой бестолковой болтовни. И он спросил, без лишних церемоний:

- Когда с ней виделись, и где вы были прошлой ночью? – чем возвратил Андреева в жестокую реальность. Тот быстренько брезгливо открестился:

- У Маргариты был позавчера. Вчерашний день был весь загружен – мы принимаем компаньонов. Потом водил их в казино.

- Кто к ней ходил домой? - продолжил Порываев, - какие, вы сказали, кавалеры?

Такой вопрос напрашивался сам.

- Вы не дослушали..., да, что это за грязь? - сказал Андреев нервно, будто упрекнул. – Марго была в ужасном горе, когда погибли сыновья.... Она не представляла, как ей жить.

Андреев смолк, будто решил, что он расставил точки. Но следователь ждал – ему был нужен четкий, не расплывчатый ответ. Тогда Андреев досказал:

- Какой ещё разврат? Ни с кем она не развлекалась, но нужен в жизни хоть какой-то смысл? Её влекло к ровесникам погибших, чтоб наставлять, вести на верную дорогу.... Всю душу отдавала, хоть звучит высокопарно.... А, что там про любовников – сплошная ерунда.

- Вы с ней давно знакомы?

- Мы познакомились через два года после..., как..., тогда.... Я видел, и сначала испугался – зачем влюбленная и пожилая женщина, когда тебе лишь двадцать три, и молодая кровь.... Но скоро понял, да и сложно не понять, что плотского желания в ней нет, а лишь духовность, и стремление....

Андреев понял, что его опять заносит, и посмотрел на человека из милиции с готовностью ответить на вопросы.

- И много было у неё таких друзей?

- Чтоб дома принимать – так только трое... Мы с ней действительно друзья, я Маргариту уважаю, и – доверье..., - Андреев напрягся, чтобы сухо излагать. – Да, что скрывать, она не делала секретов. Ну, а знакомых у неё конечно много.

Андреев смог продиктовать координаты этих трех, бывавших дома.

- Секунду, - ухватился сыщик за знакомую фамилию, - вот, вы сказали – Нойкин? Адвокат? Там есть в бумагах, про него и завещанье.

- Сергей – отличный малый, позвоните. Он, как узнает, будет сильно горевать....

- Ну, а другие?

- Виктор Строев - архитектор.... Он был после меня, давно и счастливо женат, позванивает Маргарите....

Брезгливый Александр «перегорел»... Он скомкано и вяло досказал, лишь подчиняясь обстоятельствам:

- Теперь у Маргариты есть Валера, он уже полгода.... Возможно, кто из них хоть что-то знает?

- Валерий, вы сказали, это - Шанцев? - сверял в своих пометках Порываев.

- Да,- подтвердил Андреев, - это он.

- И всё это – возвышенные чувства?

Андреев промолчал.

«С ним, - так подумал Порываев, - в общем ясно». Добавил, завершая разговор:

- Мы завтра утром едем на Грузинскую. Вы нам нужны, чтоб подсказать, что там не так.

- Таисия Авдеевна полезней.

- С ней говорили. Вас мы ждем в одиннадцать.

«Ну, на сегодня – всё», - кивнув Андрееву, подумал Порываев. Однако позвонил в контору Нойкина – в конверте с завещанием нашел его визитку.

- А что случилось? Сердце? – спросил через мгновение жидковатый бас. Когда узнал, сказал непроизвольно, непонятно:

- Вот как оно, Венера де Моску....

И согласился, что приедет на Грузинскую в одиннадцать – всё сделает, как он и обещал.

Казалось, Порываев всё закончил. Он на секунду задержался в кабинете – отбросить всё служебное и налегке идти домой. «Альцшулерово» дело длилось с самого с утра, он с головой ушел в события на Грузинской, и лишь теперь, перед уходом, увидел сводку происшествий, которую дежурный ещё днем оставил на столе.

Сработал цепкий взгляд – в одной из строчек он увидел – Шанцев.

Автомобиль свалился с набережной в реку – на скорости, в маневре, в гололед.... Водитель, как ни бился, утонул – удар о парашют заклинил двери. Случилось это утром, где-то в десять. Машину выловили, опознали труп – в бумажнике лежали документы. Утопленником был Валерий Викторович Шанцев....

Что толку уповать на совпадение? Неугомонный Порываев взялся уточнять, что было при утопленнике и в его машине. В багажнике нашли какую-то картину – нелепая мазня, отправили в вещдоки. У Шанцева, двадцатилетнего студента Суриковского института, нашли ключи на двух отдельных связках. Одни – от собственной квартиры, другие, как потом определили, – от квартиры на Грузинской.

За Маргаритою Альцшулер всплыл ещё один покойник – Валерий Викторович Шанцев, её последний фаворит.

На улице уже был поздний вечер, падал снег.

***

Назавтра Порываев влился в дело с самого утра. Сначала уточнил по Шанцеву и позвонил Таисии Лавровой. Сказал: придет за ней машину – необходимо встретиться

пораньше. Она прекрасно знала всех Маргошиных гостей – пускай посмотрит, этот ли Валера?

Хоть было очевидно, что пострадавший - паренек Альцшулер. На фотографии в шестнадцать лет, что красовалась в паспорте, этот Валерий выглядел, как юноша-кентавр, которому, чтоб вклеить в документ его лицо, от снимка в полный рост отрезали все остальное тело: могучий круп, невероятной силы ноги, и царский хвост благословенного детеныша природы.... В лице осталось столько удали и прыти. Малейшей толикой воображения легко было вернуть недостающие детали. Лаврова опознала, только глянула:

- Да, это он. Отвратный тип.

Но нужно было окончательное увериться, что ненавистный для Лавровой «тип», и есть тот Яузский утопленник, которого удостоверил паспорт. Покойника из «прыгнувшей» машины запечатлели в самых разных ракурсах. Лавровой показали фотографии....

- Я, прямо скажем, недолюбливала парня, - Таисия всё вглядывалась в фото, - но, что же это, господи помилуй, за напасть? Ну, да, Валерка..., только, это - странно....

Но странного-то – только отбавляй.

На связке от «Альцшулер» было только два ключа. Один был мощный, сейфовый, с большим количеством отростков, он идеально запирали квартиру, делал неприступной. Второй лишь отпирал «собачку» от простейшего замка.

Квартиру лишь захлопнули на «липовый» замок.

Таисия не знала, что у Валеры есть ключи. Он никогда и не жил у Альцшулер, когда являлся в гости, то звонил.

Часы почти показывали десять. Порядок действий представлялся так:

Свидетель Александр Андреев, Нойкин-адвокат приедут на Грузинскую в одиннадцать.

К тому же времени – и Порываев с группой.

До выезда к «мадам Альцшулер» осталось полчаса.

Таисия Авдеевна рассказывала сказки:

«Марго считала отношения между расцветшим юношей и пожилой дамой просто дружбой, и ей, порою, удавалось в это верить.

Её бесконечно повезло, что повстречалась с Александром, когда лишь выбиралась из темницы под названьем «безысходность», в которой, более трех лет, она терзалась

горем после гибели детей. Андреев, я напомним, был напуган..., и ошарашен бурным проявлением чувств от увядающей интеллигентной тетки. Но, к счастью, умудрился разобраться, что не развратница зовет его в объятья..., понять, что ею движет доброта..., стремление к тому, чтобы никто не повторил ошибок, которые наделала сама и допустила, чтобы были в детях.

Припомним тут Эдипов комплекс, Фрейда с Юнгом.... Но у Марго был узкий кругозор, образование было однобоко, она не мыслила пускаться в изысканья, всяческие дебри.

Андреев оказался юношей смышленным, да и к тому - отличался добротой. Он, искренне, проникся жалостью к стареющей особе, которую назвать ни женщиной, ни – бабушкой, не повернулся при желании язык.

Марго поведала ему свою историю:

«...Утехи сексуальной жизни...? она к ним относилась равнодушно. Была и замужем, и даже родила..., в душе она осталась юной девушкой с наивными, так скажем, представлениями.

В её стране, СССР, секс был почти запретной темой, а пуританский дед насаживал и читил моральные устои. И восхищение телесной красотой, воспетой и в скульптурах, на полотнах, не влило эротических фантазий в жизнь праведной и юной Маргариты. Она была чувствительна, восторженна, и, в то же время - полностью фригидна. В мужа её позвал античный бог – её заметил Алексей Прибегин. Он был призёром олимпийских игр, легкоатлетом. Сыграли свадьбу, через год у Маргариты родились близнецы.

Она любила мужа, восхищалась. Он не встречал отказ в интимной близости, но не дождался от Марго инициатив. Ей рассказали, что секс с мужем - неизбежен, и Алексей не знал отказа потому, что «должен же мужчина разрядиться» (что-что, а это тоже объяснили).

Ей очень нравилось возиться с малышами, сюсюкать, называть их ВХУТЕМАС и ГВАТЕМАЛ.... Но, вскорости, пропал и этот рай. Прибегин начал заниматься с сыновьями, определять на главный путь к большому спорту.

Так и осталась Маргарита с нерастраченною нежностью – не в пользу женская забота будущим бойцам.

Когда Марго рассталась с Алексеем – развелась, тогда вот сыновья ей сделались друзьями. Возникли правильные отношения: мать и дети.

Как счастливы они в то время были! Но, если станет слишком много счастья, то это, так считай, тревожный знак. Судьба изменчива, и сыновья - погибли....

- Пора уже, Таисия Авдеевна, - встал Порываев и помог Таисии надеть пальто.

- Такое чувство, будто еду в склеп, - измученно подумала Лаврова.

Андреев с Нойкиным стояли у подъезда.

***

Стояли они несколько понуро, напряженно....., Должно быть - перекинулись наборами из фраз, а разговаривать – зачем..., да и неловко. Поклоном поздоровались с Лавровой. Она подвигала бровями и поджала подбородок. Кивнул Андрееву серьезный Порываев, дал адвокату руку и назвался.

Сергея Нойкин был поджарый, очень стройный, довольно крепкий, и с иголки одетый.... В нем респектабельность легко вписалась в молодость, он вызывал доверье и симпатию – Альцшулер не могла в нем ошибиться. Теперь пришла пора исполнить миссию – помочь Марго уйти в загробный мир, способствовать её последней воле.

При виде двух избранников Альцшулер, настолько непохожих, очень разных, читалась разноплановость натуры Маргариты.

Андреев, вроде, презирал людей, но не выпячивал свою ущербную гордыню. Что до Сергея Нойкина – он людям сострадал, но только лишь из чувства превосходства. И не в профессии – в ней было своё кредо.

У Александра наблюдались Дон-Кихотовские взгляды.

Сергей, скорей, смотрелся Д`Артаньяном.

***

Квартира на Грузинской, за промчавшиеся сутки, застыла, словно в ней не жили никогда.

- Пора поговорить о завещании, – напомнил Порываев адвокату.

- Пожалуйста, - и Нойкин рассказал.

– Квартира, дом в Ильинке, обстановка, драгоценности, все книги, ряд картин, да, и, по сути, в общем – всё, отписано племяннику, родного брата сыну.

Алексей Альцшулер проживает за границей. Но, в том вопрос – никто не знает – где?

Не сыщем за полгода после смерти - наследство получает его дочь. Она Альцшулеров не знает, с отцом, похоже, не общалась. Но истинность отцовства несомненна – Марго оставила анализ ДНК, да и у матери, конечно же, он есть. Дочь взрослая, прописана в Москве.

Альцшулер настояла на кремации, чтоб урну поместить в семейный склеп.

Но в склеп, что ожидает на Ваганьковском, её определить через полгода, и сделать это должен сам наследник..., и, может быть, его родная дочь.

- Все лаконично и конкретно, без особых заморочек, - но Порываев смог отметить, что мало что дает для следствия.

- Вот, вы тут говорили - ряд картин? Насчет других – иные указания?

- Отдельные картины и эскизы Альцшулер завещала персонально, ближайшим людям, в завещании всё ясно.

- А драгоценности, наверное, - в ломбарде? – решил полюбопытствовать стажер.

- Да, что вы, это все хранятся в сейфе, - промолвила Таисия Авдеевна. – И камни, и коллекции эскизов.

Сотрудники слегка переглянулись – на предварительном осмотре сейфа не нашли.

- Я дам вам ключ от сейфа, он припрятан, - Лаврова двинулась к давно остановившимся, стариннейшим часам, достала ключ, висевший за стеклянной дверью. Порываев выжидал и медлил. Он посмотрел, что будет делать адвокат, тот был невозмутим и тоже ждал. Внезапно помощь предложил Андреев:

- Сейф за картиной, дайте покажу.

По центру, над столом, была изысканная люстра. Светила она множеством огней.... Другого освещения не было, и стены оставались в полумраке, храня картины в атмосфере тайны. Как будто в полутемном древнем замке, иль вовсе - в параллельном странном мире.

Андреев подошел к большому полотну, где красовались голые и пышнотелые девицы. Он влез на стул, чуть отодвинул раму от стены, перехватил руками, снял. Открылась запертая сейфовая дверца.

Лаврова протянула ключ, сотрудник встал на стул, чтобы открыть, но вдруг все растерялись от внезапности - в полнейшей тишине возник дрожащий голос:

- О, господи, а Фалька-то, украли.

Все обернулись на Андреева - он пристально рассматривал картину на свету.

-Что вы сказали? – удивился Порываев.

- А то, что это жалкая подделка.... А подлинника Фалька больше нет, - Андреев был в огромном удивлении.

Но тут же выплыл адвокатский бас:

- Картины никакой никто не крал. Марго сама мне этих «девок» подарила, - Сергей смотрел спокойно и уверенно.

- Как это так? – воскликнула Таисия.

- Она дарила и молчала, никому не говорила? – не мог никак уняться Александр.

- Ну, знаете, - сказал спокойный Нойкин. – Скажите, что я вор, да, что уж там – убийца.

Он подошел к столу, на середину. И взялся объяснять, как на процессе:

- Меня в душеприказчики назначили. Выходит, уж наверно, доверяли. Марго настаивала, чтоб я взял картины, она мне их хотела подарить. Но я бы ничего не взял без дарственной, без всех нотариальных документов. Бумаги есть на всё, они в конторе. Я дома, как привет от Маргариты, повесил Фальковских «девиц из Конотопа».

- С какой же, уж простите, это стати – ей дарить? – никак не мог поверить Александр.

Нойкин задумался, окинул стены взглядом.... Потом уже решительно ответил:

- Ей нравилось, как я её любил.

Все, трудно ошибиться, обомлели.

- Ты, как это, чего ты там её? – ввернула околесицу Таисия.

- Ну, да, - сказал Сережа, - иногда. За все приходится платить, и за любовь.... А Витька, думаете, шлялся просто так? Он тоже получил свой гонорар. Марго, порой, бывала ненасытна...

Сотрудник с боевой спецподготовкой едва успел схватить Андреева, когда тот бросился на Нойкина и явно метил в голову. Сергей отпрянул и смотрел на Александра с негодованием, тревогой, как на опасного безумца. Но обратился он к Таисии Авдеевне, кивнув на Александра:

- Он, будто, только что прозрел. Марго – отнюдь не армия спасения.

Таисии всё сделалось противно.

- Только и дел мне - с вами разговаривать. Я - Ритина подруга, вы мне не друзья. В её дела я никогда не лезла, - всё высказала и почти замолкла. Но, всё же, не стерпела и добавила. - Устроили разборки на её костях – при Маргарите не посмели бы такого.

Все происшедшее смотрелось неприглядно.... Но Порываев знал, зачем приехал, а то, как люди могут проявиться, он, при его работе, видывал не раз.

- Так, - начал он командным голосом, - все разговоры быстро прекратить.

И сразу обратился к адвокату:

- Зачем же ей подделки, коль картины подарила?

- Чтоб не болтали, что Альцшулер дедовой коллекцией торгует. Ведь гости же приходят, как-никак. Тут, вроде бы - висело, и висит.... Все знают – подлинник, разглядывать не станут. Наследникам предъявим документы.

- Она ещё кому дарила, кроме вас? - вся информация писалась в протокол.

- Был у неё товарищ – Виктор Строев, - ответил Нойкин и переключился. - Вы не подумайте, порядочная женщина, все знают, кто к ней в гости приходил. Всего-то у неё было друзей, и ясно, что случались отношенья. А, вот Сашок, выходит, что не знал, хотя считался самым близким другом.

- Так вы, про все подарки Строеву – что, тоже в курсе?

- Я же сказал вам – все официально. Маргоша три картины подарила мне, и две картины Витьке Строеву. Документы есть у нас и у нотариуса. Хотела подарить Валере, но, думаю, что не успела, я бы знал.

Тут Порываев посмотрел на Александра, и Нойкин сразу же заметил этот взгляд. И произнес торжественно, официально, как душеприказчик:

- А Александр Олегович Андреев, - как полагается, тут выждал паузу интриги - наследует картину Гончаровой, этюдный кубо-футуризм Малевича, и все эскизы к «Обнаженной» Фалька, которые мы все сейчас увидим.

И тут же прокричал, как фокусник: «Откройте сейф!»

В сейфе всё было в сохранности, царил порядок. Эскизы Фалька в толстой папке, различные рисунки, подаренные деду, и пачки писем, перевязанные лентой. На драгоценности существовала опись, но уж Таисии Авдеевне их было ли не знать? Всё соответствовало, всё было записано.... Лишь изумрудное кольцо куда-то подевалось. Но, ведь Маргоша щедрая, могла и подарить.

- Вы знаете, какая будет просьба? – с такой бессмыслицы Сережа Нойкин начал обрисовывать свой план дальнейших действий. Но - перебил себя: – Как-то неловко обращаться к вам – товарищ Порываев.

- Меня зовут Олег Андреевич.

- Я приглашу, Олег Андреич, независимых экспертов, чтоб посмотрели на картины Маргариты. А дам вам копии нотариальных документов, заверенные подписи Марго, чтоб не было сомнений, что подарки. Сейчас же начинаю поиски племянника. Когда можно кремировать – скажите. Она известный человек, все захотят проститься. Ещё спрошу – мы извещаем внучку? Она живет в Москве, найти нетрудно.

Олег Андреевич уже решил, что нечего молчать:

- Вчера погиб Валерий Шанцев, уже после того, как обнаружили Альцшулер. В кармане у покойника ключи от Маргаритиной квартиры. А вам она ключи давала?

- Нет.

Сергей смотрел с большим недоумением. – У Виктора ведь тоже не было ключей.

Порываев подошел к Андрееву.

- Ей не хотелось, чтоб являлись неожиданно, - задумчиво ответил Александр. - Она была, бесспорно, интровертом. И в дом пускала – я вам перечислил, а больше - никогда и никого. Ключи от собственной квартиры не давала никому. Ну, разве что – Таисии Авдеевне.

- А я бы никогда и не взяла, - сказала неожиданно Лаврова. – Она дала мне дубликат, я и хранила. Припрятала, вдруг если потеряет. А приходила я к ней в гости только по звонку.

- Возможно, - отчеканил Порываев, - её и задушил Валера Шанцев. Но это будет трудно доказать.

- Ну, это уж и нет, - уверенно произнесла Таисия Авдеевна. – Я потому и не любила этого Валерку, что Маргарита собралась за парня замуж. Чего ж ему её душить?

- Вы знаете, - Андреев был воспитан на правдивости, - она мне тоже говорила, что хочет выйти за него, но я советовал подумать.

Лаврова вспомнила подробности, да и свидетеля, который, несомненно, подтвердит намерение Маргариты.

- Как раз, два дня тому назад, здесь был Валерка, заходила я, да и ещё приехал Эдуард Семенович с деньгами за аренду. Она тогда сказала: «Вот, познакомьтесь, Эдуард, я собираюсь замуж. И, может, будем жить в Ильинском.... Но арендаторам пока не говорите, это не сейчас». Зачем Валерию душить Марго, когда они ещё не расписались?

С подобным аргументом не поспоришь.

Олег Андреевич спросил и записал, кто этот Эдуард – тот оказался сторожем и комендантом имения в Ильинском, куда Марго не ездила ни разу после гибели детей, сдала в аренду. А Эдуард имел там комнату, присматривал и привозил её деньги от жильцов.

Пришел к концу расширенный осмотр музейного жилища Маргариты. Олег Андреевич уже сказал спасибо, уехал Нойкин, Таисия Авдеевна ушла немного раньше. Уехала в отдел машина следствия. Только Андреев несколько отстал. Он подошел к своей «Тойоте» обернулся, с большой тоскою поглядел на дом. Его не так уж сильно мучила утрата. Но, как издевка выплыли слова: «Не сотвори себе кумира!»

Нажал сигнализацию, открыл водительскую дверь.... Швырнул портфель на заднее сиденье.... И, прежде чем усесться и уехать, вновь посмотрел на окна Маргаритиной квартиры. И вдруг решительно встряхнулся: «Нет, что бы ни сказали - ты не блядь».

Золушка и Алые паруса.

Закончилось занятие – с меццо сопрано Кальвадовской разучивали арию Долилы. Был перерыв, но пианистка Вера задержалась в зале – листала ноты к следующему часу. Вера Бугаева прошла к окну, и не напрасно – начинался снегопад. На улице был небольшой мороз, безветренно, тяжелые снежинки опускались равномерно и отвесно. Её показалось удивительным, что провода на близкой стройплощадке - будто нотный стан: их было пять, натянутых почти что параллельно.

«По ним раскинутся снежинки нот, а чуткий композитор прочитает с них мелодию», - так размышляла эта хрупкая и романтическая Вера.

Тут прозвонил мобильный.

- Вера Матвеевна? – заговорила Катина учительница по литературе, - я вас не отрываю?

- Да, что вы, Дарья Львовна, рада слышать. Что случилось?

- Случилось, то есть – да, но, к счастью, нет.... Но, Катя.... Что там - я, весь класс смеялся..., Она мне чуть урок не сорвала. Я задавала приготовить любимое стихотворенье. И, сразу после Вихревой, которая прочла: «то, что есть красота? И почему её обожествляют люди?», ваша Катя нам такого начитала.... Послушайте, я записала:

Восемь лет прощелкало в ушах у тебя,
Пятьдесят минут простучало в сердце твоём,
Десять раз протекла река пред тобой,
Прекратилась чернильница желания твоего Трр и Пе.

- Представьте, что за бред! Ну, просто ужас....

Вера робко попыталась вставить:

- Так это же из Хармса....

- Ну, что вы, сразу - хамство, - старалась сгладить Дарья Львовна. – Она - ребенок, вы поговорите.

«А ей уже пятнадцать, - взгрустнулось Вере той зимой, - как быстро утекает время».

***

Прошло три года, Катерина стала взрослой. Из скромного, текущего спокойно ручейка, мгновенно жизнь девчушки впала в океан бушующих событий. Из-за того, что её папа, Алексей Альцшулер, наследовал погибшей Маргарите, поскольку был её единственным племянником.

Екатерина не вела дневник. Но, все-таки, она взялась писать свою историю, вернее, зарисовки своей жизни. Она старательно записывала, что происходило, в свободной, ею выбранной манере.

От автора: Здесь, и в дальнейшем, все, написанное Катей, войдет в повествование: свидетельства от очевидца намного достовернее рассказа о событиях, увиденных сквозь дым.

Вот что случилось с девочкой до гибели Марго.

Неполная семья Бугаевых жила в районе у платформы Лось. Двадцать минут от Ярославского вокзала.

Мать-одиночка «поднимала» дочь и беспокоилась, чтоб все было, как надо.

Она работала - профессия, так повезло, пришлась по сердцу и была любимым делом. Да и с дочуркой складывалось все не так уж плохо – Бог выдал девочке самостоятельный характер.

Вере Бугаевой пришлось уйти из дома - родители безжалостно клеймили за «позор», когда их дочка «понесла во чреве». Но мысли ей нашептывали довод: «Зачем они меня учили фортепьяно, и воспитали мало годную для жизни?». Она серьезно рассуждала: «Эх, мне бы в медучилище пойти, и я бы стала процедурною сестрою. И думаю, не вышло бы тогда, что будоражат кровь не крепкие вояки, а чувственный Чайковский и Массне». Она любила музыку настолько, что при волнении звуков чудных арий, узнала, куда бегают мурашки. Они стучались Вере прямо в сердце, и сердце

разрывалось им в ответ. От тайн искусства и пришло благословенье на «позор», но... Вера не любила говорить. А дочкой подрастающей гордилась.

Одетая всегда довольно скромно, Катя смотрела равнодушно, что девочки из класса носили модное и яркое тряпье. Ведь у нее имелось свойство на все это наплевать. Ей было всё равно, что кто-то там нарядней. Она, пожалуй, даже сострадала: вам никогда не спеть, как я могу! У девочки был абсолютный слух и небольшой, но очень чистый голос. Мать, чтобы хорошо аккомпанировать певцам, помногу и упорно занималась дома. Дочь с малых лет впитала оперные страсти, где «чтоб познать красу вселенной, рыцарь, мне не нужен свет», и постоянно пела – «Casta diva». Но Вера зареклась, чтоб делать музыку профессией ребёнка. И, может быть, она была права. Дочь с легкостью освоила английский, учитель выставлял Бугаеву в пример, и поражался чистой речи «юной леди». Французский, дополнительный язык, давался ей не менее успешно. В других предметах обошлось без двоек.

Катя росла общительной, не замкнутой, но, как-то - и без близких, доверительных подруг. При ней повсюду был Аркадий Чадов, незаменимый рыцарь на контрольных. А свел их, как ни странно, «Мумий Троль».

Аркадий знал, как оказалось, всё. А Кате понравилась «Наше радио», оттуда и узнала эту группу. Они общались языком из песен.

-«Утекай», - предупреждал Аркадий, - «в подворотне нас ждет маньяк».

-«Он посадит тебя на крючок», - стращала Катя.

Катюше нравились загадочные тексты, где из привычных слов сплетались фразы, не открывающие тайн, а сладко опьяняющие слух. Она всё слушала «Дельфинов» с альбома раннего «Икра».

-«Тонешь, тонешь», - завораживал волшебный голос, - «не потонешь».

-«Ты сломаешься внезапно».

-« Может - выпьешь яду. Слижешь дважды».

-«Знаешь? – Мне уже не важно». - И резюмировал, потише, - «Все не так уж важно».

Слова и звуки навевали настроенье. Они напоминали те стихи, висевшие у мамы на стене, почти вплотную к «Красному квадрату».

А мама объяснила очень ясно: «Квадрат» - работы дяди Казимира. Стихи же написал хороший дядя. Запомни, его звали Даниил. «Квадрат» манил и звал малютку Катю, но мама не давала с ним играть.

- Ты нарисуй. Вот видишь, это - краски. Попробуй, нарисуй его сама. А мы потом посмотрим, что же выйдет.

И девочка пыhtела и старалась. Рисунок выходил один в один.

Ну, а стихи от дяди Даниила, с пеленок вызывали лишь восторг.

- Кто тут смеется? Кто у нас смеется? – и мама снова повторяла строчки – «**Дай мне глаза твои! Растворю окно на своей башке!**».

Чтобы умерить всплеск эмоций, Вера читала строки, где давалось толкованье:

Пе – чернильница слов твоих.

Трр – желание твое.

Агалон – тощая память твоя.

К пяти годам Катюша твердо знала стих. И применяла, в целях объяснения:

- Я, мама, трр, хочу конфету. А то у меня вся память тощая.

***

Детство текло, ну а потом промчалось. Пришла пора готовиться к ЕГЭ. Катюша многое и разное узнала о спутниках своих ребячьих игр. Что из того, что Хармс такой известный, а про Малевича, так – что тут говорить? В душе она считала их своими.

Мать деликатно наставляла дочь, что в жизни будет много испытаний. На выпускной любая девочка мечтает нарядиться. Но в Кате появилось чувство такта: «Да что ты, мамочка, ведь всё не так уж важно». С собой лукавить было тяжелей. Как раз из этих бытовых вопросов всё важное подчас и состояло. Быть замухрышкой на пороге новой жизни? На «выпускной» нельзя пойти в джинсе. Она решила - лучше не ходить.

Внезапно появилась тетя Алла. О ней не говорили никогда. Мама заплакала, и плакала - от радости. А вечером старалась объяснить:

- Вот, Катенька, такая твоя тетя. Она тебе родная по отцу. Живет в Израиле, давно к нам собиралась.

- А сам-то папа, где он там живет? Взглянуть бы на него не помешало.

- Он, как уехал, так уж видно навсегда. И Аллу ты не спрашивай об этом.

- Да и не буду. Так, тебя спросила. А где она?

- Ей надо по делам. Приедет, как уславливались, завтра.

Алле пророчили блестящую карьеру, но петь в России, так случилось, не пришлось.... Ей занимается толковый импресарио, на Западе она достаточно известна. Готовит теперь сольные концерты.

- И очень, Катя, очень любит нас.

С утра приехала заморская красавица и источала нежный аромат. Высокая, в отличие от мамы, и сразу возникало слово - статная. Мама не красилась, а Алла, это видно, с косметикой всегда была на ты. Еще бы, ведь она была певица. «Наверно - не слезает с тренажеров. Какая замечательная жизнь! С утра – распеться, подзаняться спортом..., и от поклонников, поди, отбою нет». У Аллы был обильный макияж. Взгляд очень тщательно прописанных очей смотрел с большою теплотой и дружелюбием. Мама хотела собирать на стол, а Алла тут же предложила ехать.

- Как, Вера?

- Вы бы ехали одни.

- Как скажешь..., Ты, Катюша, ведь поедешь?

- Да, нет проблем. А вы куда хотите?

- Не знаю толком. В магазины. Погулять. Ведь ваш Лось-Анжелес – здесь только спать и можно.

Катя не спорила, хоть так и не считала. Проспектом Мира, по Петровке, через пробки, такси их окунуло прямо в центр.

И всё происходило, будто чудо. Мама велела все подарки принимать, и «выбирай Катюша то, что хочешь. Ведь папа поручил тебя одеть».

Они ходили по бутикам, много разных. Сначала Катерина оробела. А позже начал действовать азарт. Что нравилось - охотно примеряла.

- Ты расскажи мне, если будет Гисси, как будешь выглядеть тогда среди других? – пыталась тетя Алла неустанно.

Катя сказала, что предпочитает:

- Я вижу тут прекрасные, совсем простые платья. Я думаю, что будет хорошо.

- Вера сказала, это - выпускной. Мне хочется, чтоб ты была красивой. И так ты, девочка, как чистый бриллиант, поэтому оправу надо выбрать.

Как выбрать среди лучших туалетов? Совсем неплохо - платье от Шанель, и туфли Кристиана Лубутэна.

- Одень и окончательно решим. Чтоб быть уверенными, что не ошибились, - сказала Алла и присела в кресло.

Слегка зардевшись, Катя вышла из кабины. Её перепугало отраженье. Как с разворота в глянцевом журнале.

- Да, это к вечеру, пожалуй, что, как раз, - в прищуре Аллы и в ее скользком взгляде для Кати была важная оценка. Все очень нравилось, но было непривычно, и страшно не хотелось быть смешной. – И все увидят, как ты хороша. Ву компрене?

- Же ву компран, мадам.

Они свершили множество покупок. О многом и открыто говорили, мешая с русскими английские слова. Общение текло непринужденно.... Потом – такси обратно, в этот Лось.

В тот вечер, когда кончились слова, в их доме музыка тотчас же зазвучала. Наверно, Вера редко так играла. А Катя так не пела никогда. А Алла, вообще, была певица. «Уж вечер», - доносилось из квартиры, и - «Облаков померкнули края».

Прекрасен дуэт Лизы и Полины..... И Лиза – Катя, с упоением тянула: «С прохладой сли-и-ит растений аромат». А Алла глубоко, из недр души, вливала меццо партию Полины.

Вера играла, плача от восторга.

Глубокой ночью Алочка простилась. Она остановилась в «Мариотте». А вечером - обратный самолет.

- Я вас люблю, родимые девчонки. Не тратьте деньги, я сама вам позвоню. А это, Катя, тоже для тебя. Посмотрите потом, когда уеду.

Всучила тёмный бархатный футляр.

- Увидишь папу, и его благодари, - не удержалась всё же Катерина.

- Нет, девочка, он у тебя в долгу. Но только знай - все будет хорошо.

***

Насчет этой приезжей гостьи Аллы:

– вся эта запись получилась, как представлялось романтической Вере. Что говорить о впечатленьях Катерины? Она попала под очарованье «заграницы». Иностранка показалась очень доброй и хорошей, да и была такой на самом деле. Слегка смущал её нескладный облик – такое создавалось ощущение. Была достаточно высокой, но адресованное ей понятие «статная», с какого бока не смотреть - ничуть не подходило. Она

сутулилась.... А горделивая посадка головы ей удавалась только лишь с сидячем положении. Но, если пристально взглядеться, так Алла, попросту сказать, тянула шею. Её, конечно, красил весь обильный макияж, покуда в ней не появлялась неуверенность, а это с ней случалось часто – такой, должно быть, робкий был характер. С руками, так и вправду, она плохо управлялась, они, такое впечатление, ей мешали.... По большей части - поджимала, или складывала их на солнечном сплетении, или держала возле подбородка. А кисти были явно крупноваты.

Но родственницам в голову не приходило Аллу обсуждать, а уж судить - не думали тем более. Она у них явилась доброй феей.... Что требовать от феи безупречность, когда она несет добро?

***

Через неделю состоялся выпускной. Все с удивлением, а кто-то даже с завистью, смотрели, как Бугаева пришла. И только Вихрева, отчаянная модница, приблизилась и шепотом спросила:

- Кардэн?
- Нет, от Шанель. А шузы – Лубутэн.
- Недурственно. На шее - изумруды?
- Наверное. Подарок. Я не знаю.

В футляре Аллы обнаружилось кольцо – нить из камней глубокой спелой зелени, прозрачных, словно капельки росы. Оно так дополняло туалет, что, «надевать ли?», не было сомнений.

Под звуки музыки вершилось торжество. Большие дети получили статус взрослых. Им нравилась теперешняя роль. К Екатерине вдруг подъехал «англичанин»:

- It`s so nice to see a real diamond among amazing emeralds.
- Спасибо вам – сказала тихо Катя.

Денис Косулин, что учился в параллельном, возник, и как-то вкрадчиво спросил:

- А ты, Бугаева, такая аттрактивная, не хочешь после вечера ко мне?
- С какого, расскажите мне, испуга? Мне есть с кем развлекаться, да и где.

А на рассвете, на великой Красной площади, за ними, подпевая, шел весь класс. Они – это Аркадий с Катериной. И пели с упоением, горячо:

«Уходим, уходим, уходим.

Наступят времена почище».

Как бы прогноз «Василию Блаженному».

- Прекрасная старинная работа, - за изумруды предложили много денег. Продать колье никто не собирался. «Наденет, когда замуж выходить», - прикинула мечтательная Вера.

Пока действительность заставила вздыхать.

Ведь Катерина сделалась другой. Не внешне, а внутри её души. ЕГЭ сдала, ей дали аттестат. Но в ВУЗ она идти не собиралась.

- Что происходит? Ты готовилась в ИНЯЗ.

- Ты знаешь, что-то вдруг во мне сместилось. И об учебе думать не могу. У Даниила на стене такая строчка: «Только мука – жизнь твоя, и желание твое – жирная снедь». Мой дядя Хармс не жаловал такое положение. «Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым» - так пишет он о дяде Казимире. И я хочу раздвинуть всякий дым, и свежих струй воспринимать дыханье.

- Ты, думаю, совсем не то раздвинешь, и я тогда вконец сойду с ума. Хармс все на смерть Малевича писал. А ты застряла на пороге жизни и изуверски в гроб меня вгоняешь.

- Не знаю - что, но мне не до учебы. Мне хочется немного отдохнуть, а дальше – в путь, в зовущую дорогу.

- И будешь ты горбатиться, как я. Но у меня хоть музыка звучала.

- Нет, мамочка, горбатиться не стану.

***

Дни вывели на середину лета. Жизнь не внесла особых перемен. Но Катя думала, что знает метод действий.

« Я чётко знаю свой ориентир. Отталкиваться надо от противоположного. Все девочки «кудахтали» о вечере, как только начался последний год. Кто как оденется, искали туалеты.... Лишь я тогда решила не ходить. И, что же мы внезапно наблюдали? Явилась Алла с целым гардеробом. И VIP колье - приманка для бандитов. Не рыпаться, а терпеливо ждать, судьба сама, что надо приготовить. Я не хочу «горбатиться» по жизни. Как говорится: « Aut Ceasar, aut nihil». Скупые иностранные слова».

Катя любила «просто так, гулять», одевшись в скромные наряды от Версаче. Аркадий, бедный - недоумевал.

Она разглядывала разные машины. Не то, что узнавала в этом толк, а четко отдавала предпочтения. Без трепета смотрела на седаны, а если проносился мощный джип, окидывала восхищенным взглядом. «Porsche Cayenne» ей казался лучше всех.

«Не рыпаться» не значит не мечтать. Мечты её ничто не укрощало. Воображение начинало рисовать, что вдруг приходит юный Ма`рлон Бра`ндо, и приглашает в спутницы навеки. «Тогда возьму у мамы телефона и позвоню в Израиль тете Алле. Она захочет быть подружкой невесты. Приедет, и на свадьбе будет петь».

В день встречи, нет, верней - в прощальный вечер, Алла припомнила наивный старый шлягер и предложила Кате разучить. Простейший текст, запомнить - один миг, а дальше шли упрямые повторы. Когда увидела, что Катя поняла, дала совет: «Не надо петь, как в фильме. А просто - широко раскрыв глаза. А чудный голос твой и Оксфордский английский дадут незабываемый эффект».

«Ну, мы еще, когда-нибудь споем», - так часто говорила себе Катя.

Она решила съездить в Парк культуры. День начинался с солнечного утра, Москва-река выплескивала свежесть, а Крымский мост заманивал в прогулку. На здании, как раз напротив парка, висел и зазывал людей анонс – *ХУДОЖНИКИ «Бубнового валета»*.

Чуть ниже красовались имена. Один из первых – Казимир Малевич.

«Ну что, попался, дядя Казимир. Пойду и разберусь в твоих секретах».

В то утро Катин вид был очень прост. Полуспортивный пиджачок Dolce Gabbana прекрасно шел к отлично сшитым бриджам и к мокасинам от Manolo Blahnik. Она умела управляться с волосами, и светло рыжая копна на голове смотрелась лучшим детищем стилиста. На чуть блестящей белизне лица запечатлелись россыпью веснушки. Глаза слегка прищурились на мир и созерцали через призму поволоки.

Она, неторопливо медля шаг, шла мимо завлекающих полотен. Сто лет они вершили эпатаж, а в наши дни непросвещенный зритель мог воспринять их как архивный материал.

А видная изысканная девушка была, по сути, маленькая девочка. На выставках, как правило, скучала, но в этот раз совсем особый случай. Сегодня предстояла встреча с другом, который избрал супрематизм.

И вот, она к Малевичу пришла. Он был представлен ну, куда как широко – крестьянской серией, и кубофутуризмом. Потом, конечно, шел супрематизм, достаточным количеством полотен. И был реалистический портрет.

«Да, дядя Казимир, ну, ты - нелепый» - подругу детства поразило автопортрет. Малевич, видимо, себя судил сурово. И в зеркало свирепо наблюдал. В красной рубашке, белый воротник.

И самый знаменитый - первый «Черный». Воистину - «икона» поколения. От времени густая чернота пошла рисунками, сродни змеиной коже. Казалось - встретил Катю, как родной. «Красный братишка передал тебе привет», - Катюша пристально смотрела на икону.

- Я так и знал, что нынче встречу вас, - звук голоса адресовался ей, а голос был приятным баритоном. Она взглянула. Господин был и спокоен, и красив.

- Совсем не встретили, а с кем-то перепутали, - доходчиво ответила она. – Мы с вами абсолютно не знакомы.

- Я о знакомстве нашем не сказал. Я говорил, что повстречал мечту.

Будь то на улице, в метро, или в толпе, то девушка не лезла б за ответом. Но здесь, в музейных залах Третьяковки, иная аура определяла всё. И Катя, с удивленьем, молчала.

- Вы знаете, я сразу же подумал, что надо что-нибудь придумать, а потом.... И, может быть, совсем вас огорошил. Но не хотел плести какой-то вздор, когда я сам совсем обескуражен.

Ей было ясно - человек нормальный. И не обложка на журнале, а живой. А обложка на журнале потому, что все в нем отдавало совершенством. «Он, прям, как Чехов. И душа, и мысли», - напомнил о себе багаж ЕГЭ. Случайный спутник оказался очень молод. Быть может, старше Кати лет на пять. Безукоризненно одет: льняной костюм, и супермодная ковбойская рубашка. Пострижен - каждый волос к волоску. Невольно бросила:

- Чем я могу помочь?

- Мне бы хотелось находиться с вами рядом.

- То, что вы рядом, не мешает мне.

Вдруг в памяти возник и зазвучал дуэт слепой принцессы Иоланты с тем рыцарем, (как будто - Водемон.) «Ты говоришь так непонятно» - пела дева. Рыцарь пропел: «Творец! Она слепа!».

И тут же, чтоб не выглядеть слепой, Катя озвучила строку из интернета.

- Малевич верил, что искусство выше, чем достижения науки и труда. Искусство вечно, никогда не устареет.

- Простите, может так и говорил, я лозунги не очень уважаю. Звучит, как будто Ленин о кино. В его полотнах – там мировоззрение.

Тут было время или кончить разговор, или пустить его в другое русло. И господин прочувствовал мгновение.

- Меня зовут Антон Уланов, я дизайнер.

- Екатерина, будущий студент.

- Вам это имя исключительно подходит.

Звучало непонятно, но как факт. Какая разница, когда приятно слушать. «Супрематизм» Малевича своею простотой лелеял неразгаданную тайну. И разве ждал ответа Даниил, когда воскликнул: «Эй, Казимир! Где стол твой?».

Возникло чувство, будто бешеный поток несет Екатерину к водопаду. Вдали гудел обрыв блестящих струй, нимб радуги стоял у горизонта. А этот спутник, Катя поняла, смотрелся как Антонио Бандерас. И будто предлагал свой самолет, чтоб улететь туда, где много счастья.

Антон на улице спросил, что будет дальше. Готовый выслушать любые пожеланья. И было видно, что задача по плечу.

- Мне, видимо, уже пора домой.

- Вы разрешите, я вас провожу. Ведь я сегодня подошел к вам не случайно.

«Лэнд Ровер» и снаружи был хорош, ну а внутри казался совершенством. Прохлада кожи царственного кресла и чудо шелестящего скольжения дарили Кате ощущение покоя, как будто было так, и есть, и дальше будет. И вовсе не казалось Кате странным, что искренне рассказывал Антон.

- Встречал я этот день....., нагаданный цыганкой. Нет, это не была гадалка с улицы.... Цыганкой была странная попутчица, когда летели рейсом «Рим-Москва». С тех пор уже прошло четыре года, а я всё помню, все её слова. И, как она наказывала - ждал. Мы шли через грозу и турбулентность, когда все небо ямами изрыто. То камнем вниз, а то ракетой вверх. Она сидела рядом, замерла. Склонила голову, прижала подбородок. Не знаю, что её тогда подвигло, чтоб руку положить поверх моей. И дальше, в протяжении грозы, так за руку со мной и просидела. Что означать могло её пожатье? Наверно, для неё не просто так. А я весь страх перед стихией потерял. Как не со мною это происходит. И вдруг она сказала: «Вот и всё. Сейчас, уже совсем, через минуту». Разжала руку и откинулась на кресле. Вдруг стало удивительно спокойно. А лёту оставалось полчаса.

- То, что цыганка, было очевидно. Так представляют театральный персонаж. Как только прозвучало: «Подлетаем», она сказала важные слова:

- Я по ладони, что была в моей руке, хочу сказать, что будет в твоей жизни.

И вот что мне она тогда сказала:

- Я только тебе главное открою. Жениться ты особо не спеши. Все девушки вокруг – не для тебя. В двадцать пять лет, и точно – в день рожденья, ты встретишь настоящую любовь. И будет девушка твоя, как ты в квадрате. Конечно же, ты можешь мне не верить. Но мой тебе совет – не забывай.

- Сегодня день рожденья моего. Пойдет отсчёт двадцать шестого года.

Антон все рассказал единым духом. Поездка тоже двигалась к концу. «Лэнд Ровер» оказался возле дома, в салоне был особый чудный мир.

И девушка надумала тогда на откровение ответить откровеньем.

-Я вам стихотворение прочту, которое мне в жизни помогает.

Проникновенно, с безупречностью звучанья, певучим голосом, со вздохом начала:

Пе – чернильница слов твоих.
 Трр – желание твое.
 Агалтон – тощая память твоя.
 Ей, Казимир! Где твой стол?
 Якобы нет его, и желание твое – Трр.
 Ей, Казимир! Где подруга твоя?
 И той нет, и чернильница памяти твоей – Пе.
 Восемь лет прощелкало в ушах у тебя,
 Пятьдесят минут простучало в сердце твоём,
 Десять раз протекла река пред тобой,
 Прекратилась чернильница желания твоего Трр и Пе.
 «Вот штука-то», – говоришь ты, и память твоя – Агалтон.
 Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым.
 Меркнет гордостью сокрушенное выражение лица твоего,
 Исчезает память твоя и желание твое – Трр.

В дальнейшем не промолвили ни слова, всё закрутилось, как в немом кино. Антон как бы застыл в оцепенении, вдруг видит - Катя думает идти. Он выскочил с водительского места, чтобы открыть перед девушкой дверь. Как только Катя протянула руку, Антон склонился и её поцеловал. Екатерину выхватил стоп-кадр, как не готовую к такому повороту. Потом она стремительно исчезла. Антон Уланов долго там стоял.

А Веру дома ждал большой сюрприз. День кончился, и сумерки сгущались. Дочь в сумраке стояла у окна.

Как здорово, что возвратилась мама! Катюша к ней неспешно обернулась, и подошла, её за плечи обняла. И Вера услышала тихий шепот:

- Похоже, мама, я определилась. Наверное, я замуж выхожу.

И вовремя, что поддержала мать. Такие новости нельзя без подготовки.

Вот штука-то, какая, Агалтон!

И сладок нам лишь узнаванья миг...

Это внезапное знакомство продолжило фатальные события в жизни Катерины. После визита Аллы у Кати появилось чувство, что ей не надо ничего планировать, а надо только быть открытой и готовой, и всё придет само собой. Пожалуй, кто-то и решит, что это легкомысленный и детский взгляд на жизнь. Но, разве, юность разумом бесценна?

Антон Уланов сделал предложение, и девушка ответила согласием. Но мама Вера, когда Катя познакомила с Антоном и стала говорить о скорой свадьбе, сказала, что не может их сейчас благословить – ей перед этим надо посоветоваться.

- Мне надо с тётёй Ингеборгой из Литвы поговорить, ты её знаешь. И непременно позвоню в Израиль Алле – пускай она узнает у отца.

Про тетю из Литвы Катюша знала, та присылала поздравленья и подарки к дням рожденья; приехать повидаться не могла – она была ученая, директор института. Воспитывала Катиного папу: её сестра скончалась родами, отдав всю жизнь отцу Екатерины. Катюша эти рассказы слыхала с малых лет.

Советоваться с Аллой – ради Бога. Ведь Катя сблизилась с заморскою певицей, и ни на миг не сомневалась, что та порадуется Катиному счастью.

***

Давайте уберем завесу с тайны, так бережно хранимой Катериной – она сумела догадаться, кто её отец. Ей не с кем было это обсуждать, да, честно говоря, и не хотелось. Выслушивать рассказы про Литовскую родню? И, что никто не знает, где её папаша? Она сумела разобраться, не ребенок. Зачем поставили ей в паспорте неправильное отчество? Что только не напишут в документах.

Догадка посетила Катю в тот момент, когда восторженная Вера стала вспоминать про конкурс вокалистов, кажется, в честь Глинки, что проходил в Москве в конце восьмидесятых, лихих годов минувшего столетия. Вера проигрывала на домашнем фортепьяно оперные арии, которые, ещё совсем девчушкой, играла конкурсантам, когда те распевались. И не могла не поделиться с дочкой:

- Как же папа твой пропел в последнем туре! Он, представляешь, стал лауреатом.

Девчонке лишь пошел одиннадцатый год.... Она была самостоятельной, и снарядилась в Гнесинку, чтобы, как будто, встретить маму – она узнала, когда кончатся занятия. Приехала пораньше и зашла в библиотеку. Её подобрали несколько подшивок по вокальным конкурсам, прошедшим в городе Москве в течение тех лет. Там были фотографии лауреатов, с рецензиями, кто, когда, и как пропел. Она внимательно искала, кто вскоре переехал из России, и позже приезжал на родину не часто, или же вовсе никогда. Тогда-то и разобралась, вернее, подсказало сердце, кто её отец.

Отсюда, может быть, и фатализм, и твердая уверенность, что «мы ещё споем».

Вот, Агалтон, какие уж тут штуки!

***

Но это отступление прервало ход событий.

Антон Уланов был представлен маме Вере, как жених.

- Тогда я, можно, расскажу вам о себе, - Антон сообразил, что это нужно.

И получился небольшой рассказ, как бы вступление к семейной, новой жизни, в которую Антон звал Катерину. Он - коренной потомственный москвич. Брат матери – известный архитектор, семейный бизнес был его идеей, и, так случилось - начал процветать. Отец Антона называется «Заказчик», он контролирует строительный процесс. В Москве, Санкт-Петербурге, за границей построены различные объекты, и всюду, безусловно, хороши. А сам Антон – дизайнер интерьеров. Работал в Барселоне и Париже, сейчас откроет студию в Москве.

Хоть Вера и сказала: «Как же так», все же пошел процесс приготовлений. Екатерина дозвонилась тете Алле. Та, через паузу, сказала: «Хорошо. Я к вам смогу приехать на неделю. Вы распланируйте, чем я могу помочь».

Родители Антона удивились, но Катя не стремилась стать родней. У дяди все сложилось хорошо. Он, правда, все глумился над Антоном: «И, где ты эту девушку достал? Она тебе совсем не по заслугам. Настолько самобытна, и красива – не то, что этот массовый продукт».

Катюша распознала чувства дяди и отыскала много нужных слов. Сравнила его, кстати, с Корбюзье, «не в плане, как подумаете, почерка, а в выплеске новаторских идей». И, почему-то, вспомнила Гауди, хоть не бывала в Барселоне никогда.

Антон не стал усердствовать в знакомствах. Он прямо так Катюше объяснил.

- Ты знаешь, много всяких есть людей, с которыми пришлось пересекаться. И, если старики устроят праздник, ты там, конечно, их увидишь всех. Давай поставим свадебный спектакль для избранного зрительного зала, а мы их поприветствуем со сцены, как главные герои торжества.

А Кате приходилось ставить точки – её уже звала иная жизнь. Она твердила вкрадчиво Аркадию, товарищу своих ребячьих игр:

-Ты мой - навеки, потому что - первый. И - не случайный, «это – по любви». И - знай: как там поется в нашей песне? - из сердца не исчезнет никогда. Не знаю - солнцами ли? Или, может, звездами? Как ни крути, но всё покажет жизнь. Ты знаешь, мой любимый Мумий Тролль, меня сейчас кружит в водовороте. В какую-то воронку по спирали. О, как

центростремительна любовь! Выходит, что судьба неотвратима. Не унывай, Аркадий, мой любимый.

Аркадия, увы, терзал разрыв.

- Скажи Бугаевой, больной на всю катушку, - не удержался высказаться вслед, - что «Её мальчик далеко, в чужих морях. Пьет других девчонок сок, поет им песни. Может быть, не все и честно так. Но, зато, наверно, интересней».

И, Катя не сдержалась: «И-Д-И-О-Т».

Антон сказал, что дядя хочет свадьбу.

- Закончили строительство отеля, по дядиным проектам, мой дизайн. Там эксклюзивный классный ресторан, а нам в подарок - люкс-апартаменты. Кто, Катя, будет с вашей стороны?

- Ну, мы не позовем, кого попало. Родные, только самый узкий круг.

- И - правильно, - вмешался дядя Игорь, - вы мудрая, хоть молоды ещё. Хотите сверстников собрать – тогда в кафе. А в ресторане пусть достойные гуляют, чтоб чувствовать невесту с женихом. Солидно, а не визги на лужайке.

- Моя родня - лишь мама с тетей Аллой. И, может, ещё тетушка отца. Она – литовка, непременно будет. Я не по возрасту людей определяю. Ведь все мы дети в сущности своей.

Тут дядюшка совсем развел руками.

***

- Ну, ты, Антон, и девушку надыбил! И, может быть, она ещё богата. Ты разом устаканишь все дела.

- Мать Катерины - аккомпаниатор. Её зарплата – весь доход семьи. У Кати, ведь ты слышал, нет отца. Я, дядя, окончательно влюбился.

- А как же ты оплатишь все кредиты? Я в долг – и не проси – теперь не дам. Со свадьбой, что же делать, помогу. Уж больно мне понравилась невеста. Но ты ведь должен деньги по распискам?

- Со свадьбой я на год переписал. Сказал, что у жены наследство будет.

- Ну, может, поиграешься ещё. Я только за сестру переживаю. А так – катитесь к черту, ты с отцом. Любимец старых дамочек, Антоша.

- Ну, дядя Игорь, ты же обещал.
  - Ты дашь мне право первой брачной ночи?
  - Я не могу её понять, такая странная. Да я таких красавиц для тебя!
  - Шучу. Дай Бог, чтоб что задумал - вышло.
- Мне кажется, что Катя стоит свеч. Посмотрим, что за родственники будут.

Реальность превзошла все ожидания. Антон, чуть не с испугом, наблюдал, как двое чернокожих иностранцев, разболтанных, как будто на шарнирах, ведомые какой-то томной девой, величественной, как Celine Dion, мгновенно окружили Катерину, и что-то говорили всей гурьбой. Сквозь общий говор вдруг прорвался возглас: «You, Katerina, really the best».

- Знакомься, Алла, мой жених Антон, - Уланов поклонился томной деве.
- Хотя русский, но есть что-то от Бандерас, - всё ж Алочка коверкала слова. – Вот, значит, это вы какой Антон. Я буду здесь подружкой невесты, но Кате - очень близкая родня.
- А это, тоже, сводные родные? – Антон невесту шепотом спросил.
- Да что ты, это Аллин бэквокал. Она концерты ради свадьбы отменила, а парни напросились с ней в Москву, они давным-давно сюда хотели. Сейчас – в отель, а там их встретит гид.

Антон доставил в «Марриот – Тверскую» - там Алочка любила поселиться – и сходу пригласил всех в ресторан. Но Алла на ходу сменила планы.

- Антон, я подустала от пути. И мне с Катюшей надо говорить – придется обсудить не очень мало. Билл с Томом – приготовлена программа, и ими заниматься будет гид. Давайте, вы с Катюшей решите, когда заехать, чтоб вести её домой. А с вами мы на свежие мозги.

Всё так и сделали. И Алочка сказала, когда услышала историю любви:

- По крайней мере, это, вроде, сказка. Эпиталама в прозаичном мире.

Невеста вспомнила про тетю Ингеборгу, спросила Аллу:

- Расскажи мне про неё.

- Она у нас старейшина семьи. Так правильно сказать, когда есть главный? Её просить приехать не пришлось. Как услышала - тут же собралась. Она сестра твоей родной баб`ушки, ты влюбишься в неё, когда узнаешь. Она всю жизнь отда`ла для твой папа.

Но оказалось, что не до конца.

Из сверхкомфортного вагона сверхэкспресса на полотно перрона вышла леди, ну, только что, без свиты и пажей. Как будто из салона модельера: на ней был строгий деловой костюм, а серебро уложенной прически подчеркивало безупречный стиль.

Воображение отказывалось видеть в ней славную заботливую няню.... Однако же, все так оно и было, пока племянник не сорвался из гнезда.

Но Инга не дала себе сломиться, бездельничать в плену воспоминаний.... Там, в Вильнюсе остался Юрин ДОМ, а тетя Инга – самым близким человеком. Он в юности отправился в Москву, а Инга с головой ушла в науку. Она была талантливым ученым, и беззаветным, яростным служением склонила в свою сторону удачу. Ей поручалась разработка инноваций, светила степень доктора наук.

И Катя, почему-то, оробела, когда к ней эта дама подошла. И, с ласкою, любуясь, говорила:

- Глаза и брови у тебя Агнешкины (так звали Ингеборгину сестру). Да, и фигура, - как и та в семнадцать лет.

Антон подумал о приезжей: «Леди Тэтчер. Я про такое даже не мечтал. Украсит свадьбу, никаких сомнений».

***

Собрали всю возможную «элиту» - Антон и дядю, и родителей просил. Все было очень чинно в важном месте с привычным и сухим названием ЗАГС.

Их пригласили «сочетаться браком»..., Екатерина любовалась женихом. Он словно был рожден во фрачной паре, смотрелся классно, было видно, что влюблен.

А что уж относительно невесты, то, кажется, она всех потрясла. Копна из светлых, мелко вьющихся волос, была сострижена почти до истребленья. Кудряшки сантиметра в полтора открыли профиль, как у греческой богини, и царственную форму головы.... Её венчала белоснежная фата, а шею украшал прекрасный жемчуг.

- По дядиным словам – ты Афродита, - сказал Антон, не разжимая губ.

- А Том сказал, что ты из Coza Nostra, - невеста улыбалась всем вокруг.

- Ты чувствуешь, как мы нужны друг другу? – сказал Антон, входя в банкетный зал.

- Но я ещё не то, что ты в квадрате, - шептала сквозь улыбку Катерина.

Зал явно был дизайнерской удачей, Антон не должен был стыдиться за проект. Да, грех бы, при обилии информации, суметь все сделать наперекосяк. Банальный чёрно-белый интерьер не выглядел уж так претенциозно, зато и аскетизмом не давил. Удачно размещенные подсветки, «спонтанный хаос» расстановки всех столов, и возвышение эстрады в центре зала, - все, в целом, создавало ощущение, что это будет клуб «больших» людей. Смотрелось респектабельно и стильно. Вписался бело-мраморный «Steinway».

Все разместились и замолкли перед стартом – когда уже начнется торжество?

Под сводами запел волшебный голос – великолепный мощный баритон. Он обращался к высшим иерархам; конкретно - пел «тебе, Бог Гименей».

По просьбе новобрачной Катерины лилась «Эпиталама» Рубинштейна.

Катюша выбирала эту запись. Влюбленных славил Дмитрий Хворостовский.

Никто другой не смог бы так пропеть.

- Я знаю, что ты очень удивишься, - невеста прошептала жениху.

***

Как происходят свадьбы - знают все. Но тут были особенные гости.

Была родная тетя и певица, специально прилетевшая на свадьбу, оставив зарубежное турне.

И Алла уловила время - спеть, когда оно действительно настало.

Ей не хотелось, чтоб на свадьбе пелось грустное, хоть не было так весело в душе. Ей вовсе не хотелось петь «заморское» на свадьбе в русском городе Москве. Она вдруг поняла, что ей хотелось.

Недолго наставляла музыкантов – те схватывали просто на лету.

- Я, Катенька, спою для вас заветное. Давно уже считается классическим. Но время все же вносит коррективы. Спою, как это чувствую теперь.

Она запела чудный русский вальс, из тех, что проникают прямо в сердце. Но Юля не форсировала звук, а выпевала широко и величаво. Но что-то просочилось от спиричуэлс - грудной глубокий голос с хрипотцой, слова слегка украсились акцентом. Хотя, какое дело «что и как», когда внимают, затаив дыханье.

Сначала Билл и Том пропели проигрыш, задали ритм, мотивы главных тем. Когда же Алла спела полный текст, в насыщенном синкопами «пьянissimo» свели на

Пошло широкое застолье, часть из гостей сопровождала молодых к апартаментам, со всех сторон под ноги сыпались цветы....

Внезапно Катя, оторвавшись от Антона и лишь промолвив: « Я сейчас», решительно направилась туда, где мама Вера, Ингеборга с Аллой застыли, оставаясь на местах, и только взглядом провожали новобрачных.

Среди гостей, в столь непривычной обстановке, и мама Вера будто изменилась. Она с достоинством расцеловалась с Катериной – как можно показать при посторонних, насколько грустен для неё сегодняшний, столь судьбоносный день.

Катюша подошла и к Ингеборге – та обняла, шепнула добрые слова.

С особой теплотой взглянула девушка на Аллу, и встретилась с певицею глазами. У Кати были новые, неведомые прежде чувства. Впервые появился человек, с кем можно, не стесняясь, говорить, советоваться, обсуждать, и, что там, даже больше – мыслить вслух....

- Ты видела? – Катя хотела бы понять, что происходит, - Антонова родня и гости суют какие-то конверты, вручают их Антону, или дяде.

- Я думаю, что это деньги, - беспечно объяснила Алла.

- Зачем?

- Так делают подарки «молодым», - тут Алла улыбнулась, разъясняя. – От нас подарки будут, только позже.... И, думаю, придется по душе. Хоть не в конвертах непосредственно на свадьбе.

На Кате было общее вниманье. Она, уж было, двинулась к Антону..., но, все-таки она спросила Аллу:

- Ведь хорошо, что нас поздравил папа?

Алла смотрела, широко раскрыв глаза. И Катя молвила с особенным доверием:

- Как он пропел: «Эрос, Бог любви, путь им озаряет»!

- При чем здесь Хворостовский? – обомлела Алла.

- Ведь он же - мой отец? – заулыбалась Катерина и умчалась к жениху.

***

Здесь записи Екатерины обрываются. Она вдруг сделалась замужней зрелой женщиной, и началась иная жизнь, с другими интересами.

Потом она вернется к дневнику, и записи, составленные ею, ещё возникнут на страницах в надлежащем месте.

***

А Алла после свадьбы приехала в свой номер в отеле «Мариот». Зашторенные окна, приглушенный свет, взлохмаченные хризантемы в красивой белой вазе – все, чтоб способствовать покою, умиротворенью....

Но на душе у Аллы было нелегко.

Как колоритно и объемно слово «ЯКОБЫ»! Как много в этой жизни – «ЯКОБЫ», в её достаточно недолгой и, что таить? – совсем нелегкой жизни.

И, если – «якобы, ты раздвигаешь дым руками»? Что получается, или получится увидеть? Что – хочешь..., или - вовсе - ничего.

Но в тот момент Алла отчетливо увидела события прежних лет.... Она невольно, нехотя ушла в воспоминания.

***

Борис Альцшулер не был в Вильнюсе два года, с тех пор, как умерла Агнешка.

Их романтическая встреча состоялась лишь за месяц до того, когда его ждал долгожданный дембель – прошло почти два года от призыва, и заканчивалась служба.

Влюбился он без памяти, готов был на руках носить такую нежную, застенчивую, ласковую девочку, с щемящей душу угловатостью подростка, хотя на тот момент ей было двадцать лет.

Он не уехал из Литвы, когда закончил службу: она ведь тоже его очень любила. Они захлебывались счастьем, когда смогли назваться мужем и женой.

С волнением и радостью готовились к рождению ребенка. Родился мальчик.... А Агнешка, так случилось, умерла.

Зачем пытаться описать, что чувствовал Борис.... Он даже не хотел увидеть сына, похоронил Агнешку, и уехал.

Но повезло, что старшая Агнешкина сестра, взялась за малыша, выхаживала, не спала ночами. Назвали его Алик, как задумала Агнешка. А имя женщины, самозабвенно занимавшейся ребенком, его заботливой, многострадальной тети, звучало необычно - Ингеборга Голдунайте.

Ходить за престарелыми родителями, заботиться о мальчике сестры, – такое счастье выпало бедняжке в личной жизни. Но в ней проснулась материнская любовь – не всякий

и родной ребенок имел столько заботы, нежности, внимания, как Алик от любимой тетушки Ингибы.

Борис старался обустроиться в Москве, работал, помогал деньгами. Он не забыл свою литовскую любовь, но было ему только двадцать пять, и он, хоть не горел искусством, и не чувствовал призвания, но был воспитан слушать деда. А тот настаивал, чтоб внук женился, и вел нормальную и праведную жизнь.

Перед повторною женитьбой Борис отправился в Литву – увидеть сына. И, что же он тогда увидел, чем так сильно поразился?

Как только Ингеборга убедилась, что Боря вымыл руки и умыл лицо, она тожественно открыла дверь и пропустила его в комнату.

В детском креслице, в красивом платьице, со светлыми кудряшки до плеч сидела маленькая девочка с блестящими глазами, и встретила его протяжным словом «ПАПА», единственным, которое могла сказать на русском языке. Он дико удивился – что? Да..., как?

- Что..., разве это Алик? – да, да, Борис совсем опешил. – А, что он так одет, и эти кудри?

Оставим Ингеборгин русский, отбросим весь её акцент. Она сказала:

- Что же тут такого? От Агнии хранится целый гардероб, от кофточек и платьев, всё другое. Потом – игрушки, сохранилось много кукол.... А к куклам – множество нарядов, шляпки, платья. Ребенок маленький, он очень любит наряжать.

- Но, он же, Инга, мальчик, - простонал Борис.

- Он станет мальчиком, как только подрастет, - беспечно продолжала Ингеборга.

Борис Альцшулер все же настоял, даже пустился на шантаж, сказав, что заберет ребенка – купили мальчику матроску и сводили к парикмахеру.

Алик громко, безутешно плакал, когда его безжалостно постригли, оставив только чубчик. Матроска и короткие штанишки не вызвали такого возмущения, хотя не ясно, что пришлось по сердцу. Во всяком случае ребенок не рыдал.

- Давай оформим опеку, - предложила Инга. – Я зарабатываю, нам вполне хватает. А ты, ведь, Боря, женишься, других детишек народишь.

Об этом не могло идти и речи – московский дедушка наказывал Борису, когда тот уезжал:

- Чтоб фотографии привез.... А после, когда женишься, мы заберем его в Москву – ведь это наша кровь, ведь он Альцшулер.

Сходили в фотографию, и получился снимок - хорошенький мальчонка на коленях у отца, в матроске, в заливчатской бескозырке. Он улыбается, в одной руке кораблик, другой – схватил за палец тетю Ингеборгу.

И дедушке понравилось, был даже очень рад. Ему представилась семейная идиллия: Маргоша родила прекрасных близнецов, они были под боком, радовали деда. А Алик – маленький, но скоро подрастет. И соберутся к дедушке три правнука, как три богатыря.

Борис оставил Ингеборге денег, и уехал. И, не откладывая, вскорости, женился.

Московскую жену он не любил, а лишь терпел, чтоб не болтаться одному. Была у них отдельная квартира, но это мало помогало появлению потомков. А, чтоб забрать родного для Бориса, а для неё – приемного ребенка из Литвы, на это новая Борисова жена никак не соглашалась.... Всё верила, что народит своих.

Внезапно умер дедушка - черноволосый юноша с портрета, энтузиаст с взъерошенною шевелюрой. Сначала был парализован, а, через пару дней, скончался. Врачи были бессильны – возраст и инсульт.

Недолго без него жила и бабушка, что в юности позировала Фальку.... Достоинно жили и ушли в преклонном возрасте. Их схоронили на Ваганьковском.... Борис Петрович - старший все предусмотрел, заблаговременно купил участок.

О промежуточном звене – родителях Бориса и Марго, рассказывать не станем, у них была своя, довольно серенькая жизнь. Отпущенный им срок они прожили мирно, и успокоились в одной ограде с дедом – Борис Альцшулер никогда не забывал родства.

Марго и её муж, экс-олимпиец Алексей Прибегин, по большей части жили в загородном доме в селении Ильинском, где тот же дедушка Борис отстроил, что тут скромничать, дворянское гнездо – огромный теплый дом из бревен на участке площадью чуть больше полгектара.

Жили они дружно, и, без скидок, полноценно. Согласие там было, и любовь, чего желали им в напутствии на свадьбе. А близнецы были отличные ребята, отец заслуженно гордился их спортивными успехами. Они его любили, и, бесспорно, уважали.... А мать - они почти боготворили.

Прибегин - замечательный спортсмен, хороший тренер, - настойчиво работал с сыновьями, с надеждой на большое будущее и прекрасный результат: в пятнадцать оба были мастерами спорта, и он в них видел целеустремленность, и очевидную заявку на успех.

Большую часть участка, там, где было озерцо, Прибегин обустроил, как спортивную площадку - с любыми тренажерами, со шведской стенкой. И выстроил там крытый

павильон, где был боксерский ринг, две штанги, также - душ и раздевалка. Василий с Гватемалом тренировались минимум два раза в день, домой шли лишь перекусить, и быстро возвращались на свой любимый стадион - купаться, загорать, и отдыхать.... А дальше – все продолжится, и снова тренировка.

Примерно через год, как умер дедушка, так и не видевший литовского внука, Борис Альцшулер, все-таки, решился на развод. Любви в их браке не существовало изначально, детей не получилось, а куковать с достаточно чужою женщиной до старости – довольно грустная, так скажем, перспектива.

Он съездил в Вильнюс и вернулся с Аликом. Не будем углубляться, что он наговорил и Ингеборге, и подростку сынку. Важней всего, что мальчик захотел поехать с папой, хотя ему и было очень странно называть так незнакомого мужчину.... Сначала Алик говорил Борису – «вы».

Он выглядел немного странно, тот литовский мальчик. Ростом был повыше среднего, нормального в двенадцать лет.... Наверное, поэтому и выглядел худым, хоть тетя Инга бдительно следила за меню, балансом протеина и клетчатки, и всех необходимых витаминов. Учился в школе с русским языком, но, что закономерно, говорил с акцентом, и не было словарного запаса.

Борис не признавался и себе, но он испытывал досаду, что мальчик так похож на Агнию, незабываемую первую жену. И, если в ней его пленила угловатость, то в сыне вызвала чуть не раздражение, поэтому он и не делал Алексею замечаний, а успокаивал себя, что все пройдет.

Ингеборге рассказали в школе, что Алекс замечательно поет, и каждую неделю, три, или четыре раза, она водила голосистого племянника на репетиции в хор мальчиков. Там был прекрасный педагог, большой репертуар, их приглашали на концерты. И скоро Алика назначили солировать.

Борис приехал и забрал его на лето, в тот загородный дом в прекрасном месте Подмосковья. Он рассказал ему о тетушке Марго, о братьях, и о тетушке Таисии.... И как они его там ждут.

- А братья у тебя – тебе ровесники, - Борис и в ум себе не брал, что Гватемалу и Василию шестнадцатый годок. – У нас там озеро, вы будете купаться. Да, и пора уж привыкать – я с осени хочу забрать тебя в Москву, я договаривался в школе, чтоб взяли моего сынка. А русский - быстро выучишь, я спрашивал уже про педагога.

И тете Инге было нечего сказать. В конце концов, куда деваться, пусть поедет. Не к незнакомым людям, а к родне, хотя знакомство только понаслышке. Но, разве с мальчиком ей предстоит разлука? Вернется скоро и расскажет, что и как.

«Тогда и состоялась эта жуть, как близнецы знакомились с Алешей....» (припомните слова Таисии Авдеевны).

***

Лето в том году не уставало радовать прекрасною погодой, теплом, а если иногда и шли дожди, то это только освежало.

Марго решила жить в «имении» безвылазно, да так оно и получилось. Продукты были из соседнего колхоза, а зелень, овощи, и фрукты – неужто покупать, когда и превосходный сад, и огород? Муж тоже проводил в Ильинском много времени, но отлучался, выезжал на тренировки, сборы и соревнования – он был ведущим тренером команды у легкоатлетов. Ну, и, конечно же, Таисия Авдеевна, незаменимая подруга - нельзя было представить без неё свободный распорядок загородной жизни.

Муж Алексей и дома оставался требовательным тренером, и, нет – да – нет, старался забежать и посмотреть, как выполняют Вхутемас и Гватемал его рекомендации, и корректировал нагрузки. Но, в целом, был доволен сыновьями – они были упорны и настойчивы, не ударялись в фанатизм. Родители считали счастьем, что близнецы не знают одиночества.... Что их на этом свете - целых двое..., таких похожих, совершенно идентичных. Братья видели себя единым целым, дальнейшая судьба им представлялась общей, и смысл жизни по отдельности они не представляли.

Итак....

Василий с Гватемалом были заняты, работали над совершенствованьем плоти.

Но....

Старшим тоже было некогда скучать. Марго писала монографии, анализировала творчество художников, отыскивала линии, ведущие от Босха до Анри Руссо, и проводила параллели с Пиросмани. Прибегин уезжал на сборы, на ответственные тренировки.... Куда-то уезжал и возвращался. Таисия всегда была при деле, за исключением тех моментов, когда необходимо быть свободной. Борис Альцшулер, Алекса отец, таскался каждый день в Ильинское после работы.

Неспешно опускался летний вечер. Они - ходили в гости, принимали у себя.

Тогда лишь начинали поднимать заборы вдоль участков в четыре метра вышиной, чтобы скрываться от соседей. В Ильинском не успела завестись такая мода. Знакомых на ближайших дачах было множество, и всё - интеллигенция.... Артисты, музыканты.

Марго едва вступила в средний возраст, и, как же молода она была в те времена, приветлива, общительна. Про её мужа – что там говорить. Он, если не был центром общего вниманья, то, без сомнения, себя им ощущал. Таисии везде всегда бывало хорошо, давно, с самых тех пор, как Маргарита её сделала подругой.

И у Бориса появился постоянный собеседник, сын крупного чиновника из министерства, вселившегося в дом напротив, через улицу, лет пять тому назад. Звали Бороного друга Эдуард, они беседовали без интеллектуальных тем, а попросту - о жизни. Борис уже давно и твердо открестился от искусства, закончил Бауманский, стал хорошим инженером. А Эдуард был, вроде бы, прораб, учился он в строительном, и с удовольствием вел разговоры на технические темы. Больше всего они любили автомобильные вопросы – Борис давно водил «Москвич», а Эдуард купил недавно, зато и разобрался до последней втулки. Он был не просто автомобилист, а очень знающий механик.

***

Борис Альцшулер, старший брат Марго, зашел под вечер на веранду, где отдыхала Маргарита и что-то делала Таисия, уютно сел в плетеном кресле, и произнес:

- Ну, вот и всё.

Никто не шелохнулся – сегодня он был должен развестись и, значит, это состоялось. Лишь Маргарита через паузу сказала:

- Слава Богу.

Таисия давно ходила у Альцшулера в невестах, ещё и до призыва в армию. Она, конечно, сохраняла хоть какую-то надежду, но радости не изъявляла, а только раза три кивнула, между прочим.

- И я, Марго, - промолвил старший брат чуть патетично, - решил всерьез заняться сыном, и для начала привезти его сюда.

Марго лишь бросила:

- И скоро ты поедешь?

***

На третий день, когда все собирались к завтраку, к воротам подрулил «Москвич». И с заднего сиденья появился мальчик, как будто на смотрины (Борис в то время отгонял машину на стоянку). Довольно невысокий, белокурый, чрезмерно худенький литовский брат.

Неправильно сказать, что Алик был смущен – он был пунцовый от всеобщего вниманья. Он вылез из машины и застыл, и заразил смущением родню – все растерялись и не сразу двинулись ему навстречу.

Неловкость разрешила Маргарита – она буквально кинулась к ребенку, прижала его голову к груди, потом взяла за плечи, чуть откинулась, и наклонилась, чтоб поцеловать, и прошептала:

- Как долго ты не ехал!

У мальчика, невольно, был ответ: «А как бы я приехал сам?». И этот ироничный отголосок помог ему раскрепоститься, он быстро познакомился со всеми. Пришел его отец и все отправились к столу.

И этот Алексей Альцшулер, он выглядел почти заморским гостем, скорей – дипломатическим посланником: на нем был твидовый костюм, и галстук, и жилет, и даже волосы приглажены какой-то ароматной жидкостью. Он выглядел нелепо, когда кругом расположились родственницы в легоньких халатах, а юные гиганты – только в шортах. Народу-то немного было..., через минуту – Алик всех узнал. И даже, непонятным образом, не путал близнецов, а четко обращался – Гватемал и Вхутемас. Так только мать их различала, безошибочно. Однако Алик сразу удивился – в какие игры сможет он играть с могучими парнями, его двоюродными братьями? Борис ошибся в возрасте.... Он говорил сынку, (смотрите выше), что братья-близнецы – его ровесники.

Литовец быстро поменял свой бюргерский, официальный вид. Когда племяннику определили его комнату, он очень скоро появился в аккуратненькой рубашечке навыпуск, в джинсовых шортах, легких сандалетах – Ингеборга собрала прекрасный гардероб.

Сначала Алекс был немногословен, по большей части – отвечал, и получалось это заторможено; заметно, как он разбирался с каждым словом. Но к вечеру, раскрепостившись и почувствовав себя среди своих, он начал бойко разговаривать, порою путая слова и ударенье. Но, главное, друг друга понимали. Было легко, совсем непринужденно.

Конечно же, племянником всецело завладела Маргарита – все, появлявшиеся в доме, без каких-то исключений, мгновенно поддавались обаянию этой открытой, удивительно приятной женщины. Перед обедом они всюду были вместе – она показывала Алику свой необычный дом, водила по участку через сад, но не решилась проводить сквозь детский стадион – ребята часто занимались нагишом, как древние спортсмены на Олимпе, но, (что же делать?) выбрались из возраста, чтоб прыгать перед мамой в голом виде.

Алекс доверчиво открылся тете Маргарите, что преуспел в занятиях вокалом. Он даже спел – она и вправду удивилась, насколько у племянника красивый, необычный голос, и до чего же мальчик музыкален.

Чуть не захлебываясь, Алекс рассказал, как с тетей Ингой ездили к Чюрленису, вернее, в город Каунас, в музей.

- Вы знаете, - при мыслях о Чюрленисе зрачки у мальчика заметно потемнели, окрасились мечтой, - Мне кажется, Чюрленис - будто пел свои картины. В необычайных композициях, в узорах говорящих линий - как будто бы симфонии из космоса. Я, может, непонятно рассказую?

- Да, Господи, какой же ты Альцшулер, - чуть ли не вскрикнула Марго.... Едва сдержалась, чтоб не вскинуть руки - настолько поразил её малыш. – Родная, одинаковая кровь. В Москве у нас, там дома - галерея. И ты узнаешь, как по-разному художники отображают мир. А мы - с тобой..., я буду всё рассказывать тебе.... Мои мальчишки будут строить себе жизнь, а я живу в её отображеньях....

- Я, тетенька Марго, себе переписал стихотворение, - заволновался Алик, - Его Чюрленис написал.

Он сбегал к себе в комнату, принес блокнот, Марго прочла название:

НА БЕРЕГАХ ИНЫХ МИРОВ.

В этот момент ей позвонили.... Был долгий и серьезный разговор с издательством. За это время Алик вышел и успел вернуться.

- Так, что там, где твои стихи? - Маргоша сделала лицо, как будто оживилась.

- Да, тетенька Марго, потом.... Оно о детях, и они играют в камешки....

- Ну, ладно, - согласилась Маргарита, - не забудь....

Когда он убежал на стадион, где занимались братья, Марго увидела на столике листочек из блокнота, перегнутый пополам. Она взяла и поняла, что не ошиблась – нашла стихотворение, что Алекс специально оставил для неё:

« На морском берегу бесконечных миров встречаются дети...

Они строят себе домики из песка и играют пустыми раковинами. Из увядших листьев свивают они себе ладьи и, улыбаясь, пускают их над необъятными глубинами. Дети играют на морском берегу миров.

Они не умеют плавать, они не умеют закидывать сети. Искатели жемчуга ныряют за жемчугом, купцы плывут на своих кораблях, а дети собирают камешки и снова разбрасывают их. Они не ищут скрытых сокровищ, они не умеют закидывать сети»

Марго прочла и, неожиданно, задумалась..., как правильной поговорить с племянником.... Чтобы избавить мальчика от мироощущения, негодного для юности.

***

На стадионе в это время, как и полагалось, была в разгаре тренировка. Один из братьев, Гватемал, когда увидел Алика, махнул ему рукой – иди сюда, садись. Василий (как их Алик различал?), усиленно качался, то снимая, то насаживая новые блины на штангу. Геннадий только что закончил бой с боксерской грушей.

- А у тебя-то как со спортом? – меж делом обратился Гватемал.

- Да, как-то так, нигде не занимался, - ответил Алекс, не особенно конфузясь. Он начал привыкать, что не в гостях, а у родных людей.

- Ну, ты сегодня посмотри, а хочешь – искупайся, - Василий завязал со штангой и разбинтовывал запястья. – А с завтрашнего дня – начнем.

У Алексея по лицу промчалась тень. И Гватемал ему растолковал:

- Начнем мы с основного – займемся мы физическим развитием. Не сразу в дамки, а, конечно, постепенно. Но к осени тебя все перестанут узнавать.

Он заложил в эти слова определенный смысл. Они, при перемене обстоятельств, оказались вещими, но, мягко говоря, с другим значением.

Литовский мальчик очень удивлялся сам, что он не путал Гватемала с Вхутемасом, когда они похожи были даже в мелочах. Но, может быть, тут дело во флюидах: от Гватемала исходила братская любовь, а Вхутемас был абсолютно равнодушен. Но разбираться глубже в этих чувствах тоже не пришлось.

Василий снял бинты, избавился от плавок, и так удачно занырнул, что небольшой, достаточно глубокий водоем, не смог ответить всплеском брызг.

Геннадий двигался к воде неспешно.... Античный юноша, сошедший с барельефа..., да, что уж там – Геракл.

- Давай, Алеша, двигай к нам купаться.

Литовский брат, при пуританском воспитании Ингеборги, мучительно стеснялся наготы. А, рядом с Аполлонами – тем более. Но много больше он стеснялся показать, насколько же он этого стеснялся. Он даже раздевался как бы принужденно, потом стыдливо поспешил к воде. Двоюродные братья показали, где удобнее войти. Они были полны здоровья, юношеских сил, и относились к окружающему миру с искренним расположением. Да, что ещё должны испытывать к обыкновенным человечкам такие супермены?

- Да, - что единственно промолвил Вхутемас, при виде братика, влезającego в воду. – Ну, братец из Литвы, у вас и чирышек. Расти, да и расти до мужика.

И сразу предложил начать учиться плавать.... Но Алекс отказался: «Лучше завтра».

В столовую они пришли веселые, такое было впечатление. Двойняшки, в самом деле, пребывали в благодушном и хорошем настроении. Литовец, хоть пытался им подыгрывать, едва ли не дрожал при мысли, как его унизили.

Но, разве, кто кого унизил? Бесцеремонный Вхутемас озвучил правду, когда, наверное бы, лучше промолчать. Так постоянно происходит меж ребятами - подтрунивать над недостатками друг друга. Однако новый родственник уже почти забыл, и забывал, и был уверен, что забудет эту ерунду, а через пару лет они с братишками, быть может, если вспомнят - посмеются.

А к вечеру он опьянел от счастья, расслабился, и думал, стоя у окна, распахнутого в сад: «Как здорово, что я в другой стране, где у меня так много близких мне по крови; той крови, где хранится память предков. Здесь у меня отец, и - тетя Маргарита, такая сведущая и на редкость умная, и просто замечательные братья. Я Ингеборгу никогда не разлюблю, а к москвичам уже есть родственные чувства..., они только усилятся со временем».

С утра двоюродные братцы собрались его будить, но подоспевшая Таисия их урезонила:

- Да, что вы, это вы встаете с петухами, а пусть наш паренек хотя бы отоспится.

Встречались все за завтраком. Ребята уже три часа прозанимались, искупались, и договаривались с Алексом:

- Мы над тобой берем опеку, мы тренируемся с семи до десяти утра. Потом, перед обедом, как захочешь - хоть плавать можно, или загорать. А следующая тренировка с четырех и до семи. Включайся, братец, в график.

Но сразу после завтрака литовским гостем завладела Маргарита. Вчера была экскурсия, знакомство..., они, похоже, подружились.... Ей захотелось чуть продолжить, и, быть может, завершить на лето разговоры об искусстве; она привыкла, только этим и жила, а мальчика могло бы утомить. Они прошли через столовую и оказались в кабинете, где у Марго была библиотека и массивный стол с красивой лампой на углу – она любила здесь работать.

- Мы осенью с тобой, если захочешь, - Марго не предлагала сесть, стояла у стены, - начнем учить историю искусств. Я рада, слава Богу, что тебя интересует, что сохранится в тебе дедово начало, его благоговенье.

Она ушла от предисловья, и рассказала Алексею, что бы ей хотелось.

- Я покажу тебе картину, - она остановилась перед полотном. – Что ты на это скажешь?

На стене, в простой и черной раме, висел продолговатый холст. Посередине расплывался ярко-красный четырехугольник, почти квадрат, а фон вокруг был серовато-белый. Алекс, как взглянул – сначала удивился. Что за картина, если ничего не нарисовано? Но..., стал смотреть внимательней, сощурился....

Марго внимательно смотрела на него.

Мальчик выстоял так несколько минут, потом чуть повернулся к тете Маргарите.

- Как думаешь, что это? – взгляд тети Маргариты усиливал вопрос.

- Я думаю, что это катастрофа, - ответил неожиданный юнец. – И все погибли....

Марго немного растерялась, и сразу же спросила - что? И - почему? Потом она сказала:

- Что так вдруг?

Внезапно, даже для неё, искусствоведа, поклонницы «Бубнового валета», она услышала от мальчика такие рассуждения:

- Чюрленис – у него из глубины картины музыка играет. А здесь - как будто солнце перераскалилось, и из оранжевого стало огненным и красным.... И не смогло тогда остаться в форме круга. Когда бы ни спасительная рамка из неземного материала, то растеклась бы эта красная безудержная лава.... Вам ваш знакомый так нарисовал?

- Да, милый, очень даже мне знакомый. Его, мой дорогой племянник, лишь ленивые не знают. И свался он красиво – Казимир Малевич. И, как же ты все это ощутил? - Марго уж протянула к Алексею руку, чтоб погладить, но замерла на половине жеста, и спросила. – Ну что, тебе понравилось?

- Такое, - еле слышно прошептал племянник, - лучше не смотреть. Или же видеть каждый день.... Тогда, возможно, и привыкнешь.

- Тогда тебе и это будет интересно, - Марго неспешно и негромко прочитала:

Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым.
Меркнет гордостью сокрушенное выражение лица твоего,
Исчезает память твоя и желание твое — Трр.

Раздался голос Вхутемаса:

- Мы, мама, тут братана ждем, а ты все лекции читаешь. Ну, Алекс, что, идешь?

Было безветренно и солнечно, тепло. Они прошли к бассейну, как спортивно величали озеро. На этот раз был вводный курс к урокам плавания – Алика учили, как должны работать ноги. Сначала – самое простое, стилем «кроль».

Ему понравилось, и он упорно попеременно бил ногами, дотягивал колени, даже стопы. Сначала Гватемал, дав Алексею плавательную доску, помогал ему с передвижением в воде. К концу урока Алекс научился это делать сам. Он подустал, решил позагорать....

Вдруг Вхутемаса посетила мысль.

- Вы знаете, - он, видимо, обдумал предложение, - нам надо, чтобы первый день занятий был торжественным.

- Что ж, это верно, - Геннадий живо ухватился за идею, - как на открытии спартакиады, олимпийских игр.

- Вот, видишь - там флагшток, - тут Вхутемас кивнул на крышу самодельного спортзала. Она была отвесна и покрыта черепицей.

- Мы будем с двух сторон тебя держать, - сказал он младшему Альцшулеру, - А ты, как знаменосец, будешь делать шествие. И водрузишь туда вот это знамя.

Тщедушный Алекс посмотрел на высоту, на не внушающий доверия чрезмерно острый угол, который, вероятно, Вхутемас назвал «коньком»..., и не нашелся, что ответить.

На крышу кое-как они забрались. Алекс подумывал обуться, но показалось неудобно, когда братья босиком.

Идея, может быть, была и неплоха, но знаменосец оказался абсолютно не готов. Почти что треть конька они каким-то чудом одолели. Спортивным Гватемалу с Вхутемасом, идти по скатам крыши - было парой пустяков, но их братишка, с жутко смятым знаменем, держался, сколько только можно, за пределы сил. Какой же из него канатоходец, когда он неуверенно ходил и по земле? И был чудовищный итог – неподготовленные ноги Алексея разъехались по разным скатам крыши, и он промежностью обрушился на острие конька. Его теперь никто не мучил – он потерял сознание.

***

У Аллы вся эта история мгновенно промелькнула в голове. Она переоделась, снимала макияж, пустила воду в ванну – за это время и припомнила события в Ильинском.

Тут в мыслях появился запоздалый разъясняющий ответ для Катерины:

«Конечно, Дима Хворостовский – самый подходящий папа. Красавец, удивительно поет, все время за границей. Но твой отец на том же конкурсе пел тоже замечательно. Был удостоен третьей премии».

Она устала, и стремилась к наслаждению расслабляющей воды, но прежде все-таки взялась за телефон.

- Как все прошло, не очень утомилась? – заботливо спросил глубокий женский голос.

- Да, ничего все, тетя Фалька, хорошо, - ей не хотелось лезть в подробности, но, слава Богу, Маргарите это было ни к чему.

Марго жила своей, уединенной жизнью. Гостей она не принимала, только Таисия да близкие друзья, которых были единицы, всё – молодые люди. Аллу с ними Маргарита не знакомила. Зачем?

В Москве Алла бывала очень редко, но всякий раз выкраивала время, чтоб встретиться с Марго. Вот и сейчас они решали, в какое время лучше завтра. Решили в три, договорились – Алочка подъедет.

- А ты не хочешь даже фотографии? Ведь Катя твоя внучка, - хоть Алла знала, что услышит, но – на всякий случай.

- Я, Алочка, с трудом образовала свой искусственный мирок.... Какие внучки? Я, выходит – бабушка? Я ограничила себя, с кем я могу общаться. Кто соглашается с условием игры, и мне подходит – я тому и рада. Единственная родственница у меня, так это ты, и ты прекрасно знаешь. А остальные пусть потом меня узнают, после смерти. Один тут деятель хотел ко мне «подъехать»! Я, Слава Богу, во время остереглась.... И начертила на каких-либо знакомствах жирный крест.

Алла прекрасно знала, что Маргарита не захочет видеть никого. Она когда-то знала Ингеборгу, они встречались, но Маргоша никогда не позвала её домой. Ещё до смерти близнецов, когда она общалась с разными людьми.

И даже похороны брата Бори – всё оформлял, организовывал незаменимый Эдуард, бывший сосед по даче. Он стал соседом «бывшим», когда из министерства с треском вылетел его отец. Того поймали на хищениях у государства, дачу тут же отобрали. Отец был стар и скоро помер.

За года три до смерти близнецов.

Эдуард устроил автосервис в гараже в Ильинском - все знали, как он разбирается в машинах, и бывшие соседи сделались клиентами. С жилплощадью в Москве тот Эдуард имел какие-то проблемы, жил в том же гараже. Но тут погибли Гватемал и Вхутемас. Марго с тех пор, как сказано, на дачу ни ногой, а Эдуарду определили комнату и сделали как будто комендантом при жильцах – имение с тех сдавалось арендаторам.

Так..., Эдуард все оформлял, и даже урну получил из крематория, когда Борис скончался на Каширке. Маргарита приезжала только лишь на кладбище, чтобы поставить урну с прахом брата в склеп. Напротив Гватемала с Вхутемасом. А место между сыновьями она определила для себя, и говорила много раз Таисии: «Вот здесь меня, между ребятами поставьте».

Раз в месяц от жильцов в Ильинском поступали деньги. Эдуард был человеком обязательным, и оказалось – преданным. Он говорил Таисии, что не поступится, ни при каких посулах, интересами хозяйки. Приятные слова, но главное, что деньги он исправно привозил.

- Какие-то индейцы, в общем - племя, - сказала как-то Маргарита Алле, - живут, как будто бы они уже все умерли. Не знаю я, как там они живут, какие там у них желанья. А у меня, родная Алла – ни каких. Поэтому, уж ты не обижайся. Я разговариваю с бабушкой и дедом, когда смотрю на их портреты, и вижу, что хотят поговорить. Я постоянно говорю и с сыновьями, я с ними много недоговорила.... А как там кто-то женится..., какие-то чужие женихи? Ни при каких условиях я не хочу ни знать, а, уж тем более, ни видеть.

Алла не думала к ней лезть с вопросами – а, как же ваши молодые парни, кавалеры? Или, приятней будет - фавориты? Марго с ней не делилась, а спрашивать бестактно. Единственно, кого певица знала из Маргаритиных богатырей, так это юношу Валеру. Он - начинающий художник, где-то учится. Но вышло это общее знакомство сугубо по необходимости: он помогал в делах. На свадьбу Катерины требовались деньги, вот почему певица обратилась к Маргарите. А то бы та обиделась, что Алла постоянно всё берет у Ингеборги.

Но Маргарита и не думала знакомиться с двоюродною внучкой..., тем более, с каким-то женихом.... «Избави Бог», – такое у неё сложилось восприятие.

Участвовать в подарке, что-то подарить – другое дело, это непременно.

Она шутливо говорила:

-А у меня теперь есть свой жених. Какой тебе, Валера, годик? Гожусь тебе в невесты?

Молодой мужчина улыбался ей спокойно, заговорщицки – он принимал назначенную роль. Роль эта не могла его обременить – он знал микроскопический кружок возможных зрителей, а этот круг не собирался расширяться никогда.

Как вышло их знакомство с Аллой? Марго, чтобы поздравить внучку, требовались деньги. Валера делал копии с ещё не проданных картин, и вместе с Аллой ездил к антикварам, чтоб постоять за стоимость оригиналов – случалось много перекупщиков и шарлатанов, нельзя же, чтобы женщина являлась к ним одна.

Возникшая внезапно мысль – дать юному Валере Шанцеву нелепый и абсурдный статус жениха, весьма понравилась Марго, а юный живописец и не думал возражать – какая, в самом деле, ему разница? Марго была неординарна, общение с ней не тяготило, а тут ещё материальная поддержка – за копии была хорошая оплата.

А с Аллою талантливый студент Валерий, похоже, чувствовал себя непринужденно. Хотя недавно познакомились, да и встречались редко. Алла в первый раз просила денег у Марго, решили продавать картины, и обходились тут без Нойкина – нотариус для дарственной нашелся под рукой.

А Нойкину не надо знать, что Маргарита продает ещё два полотна. Она, как бы сказать, неподотчетна.

Итак....

Валера сделал неплохие копии, чтобы повесить их в квартире Маргариты. Проверенный, надежный коллекционер охотно покупал «Вид на Москву Мясницкого района», что подарил когда-то бабушке Борису художник И.Машков, и вариант картины «Прачки» Натальи Гончаровой, чьи полотна, на сегодняшнее время, имели цену большую, чем знаменитые полотна всех других художниц. Платил «надежный» полцены, но на себя брал трудную работу оформления всех документов. Продажу проводил официально, и сделка совершалась чисто – чего ещё желать?

Валера, хоть у Маргариты он проходил по категории «жених», при сделке поимел значительный процент, поскольку результат его трудов - талантливые копии, смотрелись очень хорошо. Не отличить от подлинников в затемненных уголках гостиной.

Пожалуй, Шанцев Алле даже нравился. Он был, как необъезженный мустанг.... Казалось, что он очень вольный, даже дерзкий. При этом – был веселый, ироничный.

Таисия Авдеевна и не любила юношу за то, что вечно он над ней подшучивал. Звала его: «отвратный тип», но, все ж..., и ей был симпатичен этот юный живописец, друг дома и внезапный «женишок» её подруги.

Для встречи с Аллой Маргарита так все обустроила, чтоб дома быть одной. Специально, чтобы повидаться, и никто бы не мешал. Они почти прошли гостиную, как «Прачки» Гончаровой на минуту захватили их вниманье. Они висели близко к кабинету, пока – оригинал.

- Я все-таки, - остановилась Маргарита, - всегда была к ним равнодушна.

- А потому так, тетя Фалька, - усмехнулась Алла, - что нарочито примитивные бабенки - они у Гончаровой сами равнодушны ко всему, да и художница к ним не питает нежных чувств. Они у Гончаровой, словно мыши для эксперимента. Этапная картина, когда Наталья находилась в поиске. Теперь, конечно, это ценность, шедевр воспетого историей творца.

Марго всегда восприняла мнение племянницы, как будто откровение.

- Ну, ты всегда над всем расставишь точки, - и перешла к житейскому, к практическим вопросам. – Валера хорошо скопировал, и «Прачек», и Машкова. Сегодня, голубь, привезет.

Они, что надо – обсуждали, пили чай..., порою – вспоминали. Марго хотела знать, спросила ли Катюша про отца?

- Ну, как же нет - спросила, - отвечала Алла.

- Что ты нашлась ответить?

- Якобы нет его.... Где только не искала.

- А как насчет стихотворения? - припомнила Марго, - по-прежнему у этой Веры на стене, вместе с «Квадратом»?

- Всё там же.... Катя слово в слово с детства разучила. Она понятливая и сообразит, что можно отыскать, ЯКОБЫ РАЗДВИГАЯ РУКАМИ.....

***

Зачем деньги, вы спрашиваете? Как зачем? Деньги - все!

Ф.Достоевский «Игрок».

А как же проходил медовый месяц? Антон и Катя были счастливы на даче его дяди в Подмосковье. Ей нравилась самостоятельность, что у неё есть муж - прекрасный принц, который ждал её, и отыскал, и Кате было очень интересно - проникнуть в лабиринт его души.

Она читала и про «лабиринт», и про загадочные души.... И вот, казалось ей, настало время «проникать».

Антон же в этот день почти негодовал.

- Ну, почему они такое порешили? – никак не мог он примириться, успокоиться.

Ведь Катина родня преподнесла им неожиданный подарок. Мать с Юлей, да с какой-то тетею отца, как свадебный подарок Катерине, внесли в банк стоимость трехкомнатной квартиры, определив, как целевое назначение. Дом полностью закончат через год, недвижимость переоформят в собственность, и никакие риски не страшны.

- Антон, они же думают о будущем, - разумно рассуждала Катерина.

Он начал, в сотый раз, рассказывать про студию, где скоро кончится ремонт, и будет спальня, много комнат, мастерская....

- Да, Катенька, квартира - хорошо. Но у меня с заказами не густо. Нельзя ли из «квартирных» взять заем?

- Ты знаешь, к сожаленью – невозможно, - расстраивалась юная жена. - На свадьбе столько денег надарили твои различные родные и друзья. Там лет на пять должно хватить, никак не меньше.

- Я, с чертовым ремонтом, весь в долгах. Те деньги мне придется на уплату.

Но Катя отыскала новый выход – продать великолепнейший «Лэнд Ровер».

- Да, что ты, чтобы ездить на метро? - Антона ущемила перспектива. – Зачем же ты меня так унижаешь? Когда, к твоим ногам..., готов весь мир....

Вот так они в тот раз поговорили.

И, вдруг, как раз звонок от тети Инги. Сугубо деловой, по существу. Она на свадьбе им вручила свой «конверт». Теперь же говорила о другом.

- Те деньги - на развитие семьи (в простом конверте, тридцать тысяч евро). Но, Катя, ты родная мне кровинушка, хотя уже и взрослая девица. Ты – замужем, не всё ходить пешком.... Я тут поговорила с дистрибьютором. Он посоветовал мне BMW «Очаково». Там тоже «Rolf», но я не понимаю. И я уже оформила заказ. Надеюсь, что придется по душе. Учись. Я буду ждать, когда прокатишь.

Екатерину Юрьевну Уланову в Очакове ждал черный BMW. В народе – «бумер», BMW шестой модели.

« Вот это - уже кое-что, - решил Антон, забыв про обреченность, - одну машину можно заложить». И сразу изменилось настроенье.

- Давай сегодня ужин при свечах устроим в дяди Валиной гостиной.

Они взялись готовить торжество.

- О, Господи, какая куча дисков, - невольно удивилась Катерина, взглянув на угол с музыкальным центром. – Тебе кто больше нравится из звезд?

- На первом месте у меня сэр Пол Маккартни. Сэр Элтон Джон совсем не очень плох. Ещё, пожалуй, Шер, ещё - Мадонна. А больше всех сейчас люблю U2.

- Не знаю даже, что тебе ответить, - Катюша искренне не знала, что сказать. – Не можешь ли сказать, а почему? - никак не унималась Катерина.

- Поскольку они богаче всех, - тут смех Антона обратился в хохот.

А Катя спел её любимый «Мумий Троль»:

«Завтра мы пойдём,
Тратить все свои,
Все твои деньги –
Вместе».

Играла музыка, везде мерцали свечи. Приливы нежности росли с откатом сил.

И Катю потрясло признание друга: «Ты – краше золота.... Пожалуй, слаще денег....».

«Вот скука-то какая, Агалтон».

***

И, вдруг, как раз звонок от дяди Вали. Нет, он звонил Антону постоянно. Но это был звонок по существу.

- Медовый месяц катится в работу. Ты должен мне отдать сто сорок тысяч. Наверное, пришла пора играть.

- Да, дядя Валя, как договорились, - Антон заулыбался и кивнул. - И Катя посылает вам приветы. Да нет, не приступал ещё к работе. Сейчас мы как бы пьяные от счастья. Куда сходить? – улыбка стала шире. - Ты - прав, а я, дурак, почти забыл. Мы завтра же пойдём пытаться удачу.

-Когда-нибудь бывала в казино? - спросил Антон, меж ласк и поцелуев.

- Нигде и никогда я не бывала. Куда ты хочешь? Я везде с тобой.

Они решили ехать в казино.

Помпезное название «Golden Palace» среди других не слишком выделялось. В районе Пресни было много казино. Днём – скопище претенциозных вывесок на тщательно подновленных старых зданиях, под вечер - блеском тысячи огней заманивало легкою удачей.

Для Кати все случилось в первый раз. Приехали на новом BMW, она была в роскошном новом платье.

Ей с детства очень нравилась примета, что новеньким особенно везет.

- В какой бы вы пройти желали зал? - спросил предупредительный сотрудник.

Катя смотрелась очень независимо, но, вот - куда пройти? - решал Антон. Он двинулся к рулетке в круглом зале. Казалось, здесь возможен крупный куш.

Антон сказал, что это Катин день. И ей решать, на что, куда поставить. Задача была дьявольски проста, и Катя без сомнений приступила.

- Поставь, пожалуй, на 15 «РУЖ».

Послушный шарик долго не плутал, направился на «красное» пятнадцать, и там свое метанье завершил. Крупье им пододвинул много фишек.

Уверившись в правдивости приметы, разбрасывая цифры и цвета, Катюша постоянно умудрялась, поставить там, куда спешил успех.

Финансовый поток не оскудел, Антон разбогател за этот вечер.

«Раз так, зачем задействовать графиню?» - вдруг четко появилось в голове.

***

«Не думал, что жениться так полезно», - Антон разглядывал заснувшую жену, уставшую от долгих экзерсисов. Он вел подсчет свалившихся богатств. С лихвою уже выбрались за минус..... Получат свои деньги кредиторы....., останется, чтоб съездить на Бали....

«Ты – чудо, моя маленькая женушка», - он, было, потянулся приласкать. Но вдруг подумал, что - какая, к черту, глупость? так сразу кинуться и раздавать долги? Ну, отдохнут они, положим, на Сейшелах. И - что? Потом опять «ходить с рукой»?

Заснул он с твердым деловым решением: «Пусть, завтра мы в последний раз сыграем.... Успех лишь улыбнулся Катерине..., - и, уж тогда - и раздадим долги, и сможем жить, не думая о хлебе».

Екатерина, возбужденная рулеткой, во сне вела престранный разговор. Всего чуднее, что сама с собой.

« Я думала поставить на Zero, но за секунду изменила ставку. И шарик замер там, где я решила. Зачем работают, а не идут играть?»

- Но вспомни, что за все платить придется, - шептало вкрадчиво её второе «Я». – И не поможет тут, что «все не так уж важно». Поройся в «тощей памяти» своей.

- Антон мне суженый и посланный судьбой, - упрямо повторяла Катерина.

- Для чувства, а не шариком в рулетке. Жизнь вовсе не погоня за деньгами. Не надо забывать про наше свойство - на самом деле на все это наплевать».

***

- Ты будто заклинанья произносишь, - ворвался в сон взволнованный Антон.

- Мне снилось, я куда-то улетала. Я, может быть, еще расту.... Прости.

Антон тут, кстати, вспомнил про Шекспира. Ромео как Джульетту наставлял. И прошептал, Екатерине, засыпая:

- Расти, расти.... И помни обо мне.

Вот так происходила, но пока не очень складывалась жизнь у молодых. Тут явно было чувство, и это предвещало, что всё «слюбится». Но вот, как «стерпится» - пока ещё вопрос не возникал. Екатерина, в тот момент, себя держала фаталисткой, не сомневалась, что Антон вот-вот определится с жизненной позицией, что поимеют они вместе, так сказать, платформу, и будут жить красиво, да и очень интересно.

Они за время после свадьбы разлучались только раз – Антону нужно было в Петербург, вести переговоры. Туда - обратно, и на самолете. Он ранним утром вылетел, а к вечеру, в районе десяти, уже припарковался возле дачи. Екатерина приготовила торжественную встречу, почти банкет.

Каких-либо тревог и опасений не было – жизнь у влюбленных только начиналась.

« Вы меня везите хоронить....»

Тем временем майор Олег Андреевич Порываев, который занимался гибелью Альцшулер, дал адвокату Нойкину пакет из документов – свидетельство о смерти Маргариты и разрешение покойную кремировать. Останки бедной женщины уже сказали экспертизе, что смогли.

Душеприказчик Нойкин сделал все, как обещал. Эксперты, приглашенные посмотреть картины, установили, что уцелело только пять оригиналов из двенадцати полотен знаменитых мастеров. Вместо семи шедевров теперь висели копии. Подделки, что тут скажешь, удались. Были точны, весьма небесталанны.

- Особенно - «Мясницкая» Машкова, - один специалист был очень сильно впечатлен. - Я полагаю, что сам автор не отказался бы поставить свою подпись.

На пять картин, замененных на копии, существовали дарственные. Три были у Сергея, две - у Строева. Куда и как исчезли «Прачки» Гончаровой, «Вид Москвы» Машкова – придется узнавать.

Найти же внучку Маргариты не составило труда – жива, здорова, восемнадцать лет, и вышла замуж. Когда душеприказчик позвонил её на мобильный и рассказал о смерти её бабушки Альцшулер, то получил ответ:

- Свяжитесь с мамой, я совсем не знаю папину родню.

Но тут же изменила пожеланье:

- Я, лучше, переговорю, и вам перезвоню. На этот номер можно, вы с которого звоните?

Нойкин успел спросить Екатерину, где её отец? Ответ его не удивил – куда он только не закидывал запросы? Повсюду отвечали, что не имеют сведений, где этот гражданин.

Примерно через час душеприказчику Сергею позвонили. Он разобрался в номерах и понял, что звонок из заграницы. Звонила женщина. Была она взволнована, спешила разобраться.

- Простите, Катя говорила – вы Сергей? Я слышала про вас от Маргариты. Я – родственница, Алла Гольдина, гражданка США. Скажите, ради Бога, что случилось?

Он информировал гражданку США, что Маргарита умерла, уже назначена кремация, и он оповещает всех. Он даже дал ей дополнительную справку: Марго Альцшулер, в свое время, обратилась к нему с просьбой, как к другу и юристу, и наказала проследить за исполнением её последней воли. Прощание назначено в одиннадцать в ближайшую субботу. Выходит – послезавтра. Все состоится в крематории, уже заказан зал.

Повисла и висела, (уж простите за банальность) гробовая тишина..., и Нойкин начал опасаться, что прервалась связь. Но вдруг он все-таки услышал:

- Спасибо. Я приеду. Катя будет. Ну, и, конечно, будет Вера. Когда поедете Марго из морга забирать?

Когда он объяснил, что тело уже в морге, в Митино, там, где и крематорий, гражданка Гольдина сказала:

- Хорошо. Спасибо..., все там будем.

По-русски сочетанье этих слов привязано к особому значенью..., но Гольдина – гражданка США. И даже говорит с акцентом.

Сергея Нойкин уточнял у Порываева, сказать ли внучке, что, возможно, ей достанется наследство? Решили, что пока что – лучше нет. Зачем ей шкура неубитого медведя?

***

Порываев, как не размышлял, не наблюдал особой связи между насильственной гибелью Альцшулер и несчастным случаем, так незадачливо унесшим юную, лишь начинавшуюся жизнь Валеры Шанцева, похожего, скорее, на пажа у этой дамы, чем на её же жениха. Лишь оставалось непонятным, как у Валерия в кармане нашлись ключи к

квартире старой дамы. Но, в ходе следствия, существовали лишь гипотезы. Олег Андреевич не думал сомневаться, что всем таинственным загадкам когда-нибудь найдется объяснение. Майор был убежденный материалист.

Прощанье с Шанцевым происходило тоже в Митино, но за день до кремации Альцшулер, что значит - в пятницу.

Известно..., Суриковский институт хотел, чтоб со студентом Шанцевым простились в его стенах - для однокурсников, для всех преподавателей его внезапная кончина представлялась, как трагедия. Среди студентов он был очень популярен, а крупные, известнейшие живописцы и весь педагогический состав пророчили Валерию блестящую карьеру.

Но мать не разрешила, чтоб тело сына выставляли в институте – труп пробыл под водою несколько часов, и ей казалось невозможным, чтоб сынок, в столь грубо искаженном смертью виде, предстал на обозрение. Она просила сделать в ритуальном зале полумрак, сама стояла в изголовье гроба, и стерегла родного мальчика, чтобы прощались с ним лишь издали.

Все люди собрались здесь очень искренне, от горя. Какой-то деятель все говорил, насколько Шанцев был хороший и талантливый, что смерть его – огромная утрата.

Пришли проститься Маргаритины друзья. И Порываев, тоже бывший здесь, смог убедиться, что, небезызвестный Виктор Строев, знакомый по рассказам - вполне нормальный и внушающий доверие мужчина.

Таисия Авдеевна, нет–нет припоминая шуточные, незлые пререкания с «отвратным типом», заплакала, и не скрывала слез.

Через три месяца Валерию исполнилось бы только двадцать три....

***

В субботу было солнечно, морозно, порывами дул ветер. Уж, так случилось - в Митино, суровый комплекс с его скорбным назначением, построен на пригорке, и все, пришедшие проститься с Маргаритой, или же кутались у входа в ритуальный зал, или попрятались в машинах, посматривая на часы. Приехали все загодя, но, оказалось – пустят в зал в одиннадцать.

Здесь уважали время, и была определенность. К Марго уже пришел последний час, а проводы, как завещала Маргарита, и исполнил Нойкин, не следует особенно растягивать. В одиннадцать раскрылись двери зала и провожающие стали заходить.

Народу собралось немного. Порываев увидал её друзей. Андреев стал поближе к гробу, почти не отводил свой взгляд от равнодушной, отчужденной маски, ещё недавно бывшей светлым и живым лицом Марго. Строев стоял, понурил голову, а Нойкин

занимался делом – ему необходимо кое с кем поговорить, потом – забрать все документы.

К Таисии Авдеевне у входа в зал пытался приставать с вопросами невзрачный пожилой мужчина. Потом уже Олег Андреевич смог узнать, что это Эдуард, смотритель дачи из Ильинского. Таисия Авдеевна, мгновенно, с ним разобралась. Ответила, и даже рассказала что-то, оставив удивление на его лице, но было очевидно – ей не до него.

Когда открыли доступ в зал, от черного большого BMW к его дверям направились три женщины. За ними двинулся черноволосый молодой мужчина, который нес цветы – большой букет из белых роз и три букета из прекрасных хризантем, разнящихся по цвету.

При входе женщины чуть задержались, и каждая взяла свои цветы из рук молоденького господина, шедшего им в след. Довольно молодая дама в черном кожаном пальто, с завязанным по брови, как у монахинь, черным шарфом, прошла до постамента, где стоял открытый гроб. Другие – сразу подотстали, потом и вовсе отошли к стене, их спутник находился рядом.

Таисия Авдеевна, как и другие, стояла в образованном у гроба полукруге, смотрела на лицо подруги, на провалившиеся, отчужденные глаза....

Лишь Алла сразу поняла, восприняла, как неожиданность, когда приблизилась и стала возле гроба, распределила розы, потом взглянула на глубокие глазницы, на переносицу, связавшую два провалившихся овала....

Она увидела, что это символ бесконечности, как принято её отображать, спустился на погасшие глаза бедняжки Маргариты своим условным знаком.

Порываев сразу понял, что это именно та родственница, которую вдруг обнаружил Нойкин, примчавшаяся иностранка. Он сам уже ей позвонил, примерно час назад, чтобы условиться о встрече.

Она действительно была в глубоком горе, и не пыталась этого скрывать. Остановилась в головах у гроба, словно часовой, и то и дело наклонялась над покойной, чтоб нежно прикоснуться, погладить, что-нибудь поправить....

Таисии Авдеевне, в лице и облике прибывшей женщины, как будто что-то было и знакомо.... Но вспомнить так и не смогла. Она решила – обманулась, и забыла.

Инспектор Порываев разобрался, кто и другие пассажиры из машины BMW. Молоденькая – это ясно, внучка Катя; с заплаканным лицом – должно быть мама Вера..., и, наконец, тут не могло и быть сомнений, недавний внучкин муж Антон.... Они прошли почти одновременно, чтоб положить цветы. Но с разными, что ясно видно, чувствами. Мать Вера шла с преодоленной робостью, Катюша – с осторожностью, с огромным, что тут делать, любопытством, удивлением. Антон, казалось, – абсолютно равнодушно.

Никто не произнес надгробной речи – так Маргарита попросила в завещании.

Сотрудник морга произнес какие-то слова и пригласил всех подойти проститься.

Никто не делал Кате наставлений. Она не чувствовала скорби, но свято верила, что существуют родственные связи. И проявляются, хотя, быть может, родственники были незнакомы. И Кате стало больно от воображенья, что и она когда-нибудь умрет, и все кругом, её показалось, будут равнодушны. Она увидела, что молодой мужчина со скорбным выражением лица, стал приближаться к гробу. И двинулась за ним. Он наклонился и оставил поцелуй на лбу покойной.

Екатерина, с неожиданною болью, увидела вблизи, каким бывает человек, когда приходит смерть. Но та торжественная мысль, что перед нею тело прародительницы, всё время ей владела - когда склонялась к Маргарите, поцеловала её в лоб.... Потом, ещё какое-то мгновенье, простояла возле гроба, упорно вглядываясь в мертвое, и не чужое в тот момент лицо.

Вера тоже подходила и простилась с Маргаритой – она давно была заочно с ней знакома, и очень уважала.

Алла склонилась над усопшей самая последняя. Она вдруг ощутила, её казалось, незримое присутствие Марго. Не в неподвижном бывшем теле, а где-то здесь, возле неё, буквально рядом.... И, нет сомнений, - в её мыслях, в её чувствах. Она склонилась к гробу, поцеловала чуть повыше знака бесконечности, и прошептала: « Милая моя, хорошая..., немного отдохни».

Служители заколотили крышку гроба, и он уехал сквозь стенной проем, посылкой для всевидящего адресата.

***

- Простите, вы, так понял, Алла Гольдина, - намеренно негромко обратился Порываев. Он выбрался из зала чуть пораньше, и выждал, когда Алла проходила мимо. Она спокойно посмотрела на него, поскольку знала, что такое обращение будет, и совершенно безразлично от кого.

- Да..., вы, наверно, господин майор..., - она замолкла, вспоминая, - Порываев.

- Я соболезнаю, - он скорбно поклонился..., но все-таки спросил, - когда мне можно с вами побеседовать?

- Вам нужно срочно, если вы приехали на похороны, да в субботу, - она не колебалась ни секунды. – Сейчас, своих предупреджу. Скажите, где машина.... Я подойду.

Майора Порываева перехватил Андреев, ближайший друг покойной Маргариты, и неожиданно сказал, указывая взглядом на деловитого, спокойного Антона, Катиного мужа:

- Не знаю этих дам, а парень мне известен.

Следователь глянул на Антона с удивлением:

- Он тоже из друзей покойницы?

- Да что вы, нет, - Андреев чуть не возмутился. – Я вам рассказывал про круг её друзей, про образ жизни. А господина этого я часто вижу в казино, где я бываю с компаньонами. И я могу сказать определенно – он игрок.

- И пусть играет на здоровье, если нравится и деньги позволяют. Он не имеет никакого отношения к Альцшулер. Ведь внучка Маргариты вышла за него, когда и знать не знала этой бабушки.

А в то же время к господину Нойкину пробрался мужичок, что разговаривал с Таисией Авдеевной. Как выше говорилось – Эдуард.

- Я, извините, комендант у Маргариты, живу на даче, получаю от жильцов аренду, - успел он только обратиться.....

Как, неожиданно, его вдруг отвлекли - Таисия Авдеевна, и рядом – следователь Порываев.

Она хотела защитить несчастного Валеру, точнее - его память. Ведь вкралось к Порываеву сначала подозрение, что это Шанцев погубил несчастную Марго.

- Минуточку, любезный Эдуард Семенович, - Таисия проговорила это очень вкрадчиво. - Давайте вспомним день, когда мы с вами виделись у Маргариты последний раз.

- А что, я всё прекрасно помню, - не сомневался Эдуард, и стал смотреть то на Таисию, а то – на Порываева настороженным взглядом, в котором был резонный интерес – а в чем вопрос?

- Вам Маргарита в этот день представила мужчину, молодого человека. Не вспомните ли, что она сказала?

- Она сказала про него, что он её жених. Но, думаю - шутила, - тут Эдуард Семенович конкретно глянул на майора, подумав, и с какой же это целью хочет Таисия Авдеевна вручить столь мелочные сведения сотруднику милиции? Ведь то, что этот человек – из органов, дотошный Эдуард добился от Таисии ещё перед кремацией. Старик был впрямь незаменим как комендант и сторож, поскольку он всегда всё знал.

- А что вам этот парень говорил, когда повез домой? – Таисия хотела уточнить всё до конца. Но Эдуард мгновенно открестился.

- Куда – домой? Он только и довез до эстакады, - чуть не с обидой усмехнулся Эдуард, - ваш парень даже пошутил: мол, вот старуха губы раскатала – кавказский долгожитель ей жених. И высадил меня не у того метро. Ещё вопросы?

И комендант пошел опять искать, где Нойкин. Таисия Авдеевна смотрела ему вслед, и неожиданно сказала Порываеву:

- Представить только – Эдуард когда-то домогался Маргариты, обхаживал, хотел жениться....

- Неужто? – вежливо поддакнул ей майор. – Когда же это было?

- Как только Маргарита схоронила близнецов, - ответила Таисия и двинулась к автобусу.

Порываев поспешил к своей машине - он видел, что американка там, и ждет.

А Эдуард Семеныч договорился с Нойкиным, что утром в понедельник Сергей появится в Ильинском – теперь он сам возьмется брать от арендаторов оплату, и сохранять для будущих владельцев. И хочет посмотреть на дом, чтоб объективно информировать наследников.

Эпистолярные потуги Катерины.

- Где нам удобней побеседовать? – спросил Олег Андреевич у грустной спутницы, как он запомнил – Аллы Гольдиной, опустошенной горем гражданки США.

- Мне надо в центр, - гражданка размышляла вслух. – Но я взяла с собой бумаги, документы..., вам надо ознакомиться. И я, что надо – расскажу. Так, может быть, к вам в офис?

- Значит - в центр, - промолвил Порываев. – А после отвезу, куда вам надо.

Дороги были незагружены, до центра добрались минут за двадцать. Она молчала.... Ведь ехали, чтоб Порываев задавал вопросы. Но Алла вдруг сама спросила:

- Вы окончили юрфак?

- Ну, да, - он удивился, - получал образование.

- Из философии – не вспомните, что есть свобода выбора?

Он посмотрел на эту Гольдину с огромным удивлением. Немного помолчал, потом спросил:

- Я не могу понять, о чем вы говорите. Верней – зачем? Вступление к тому, что вы хотите рассказать?

- Да, это верно, - кивнула Гольдина. – Мне кажется, что мы сумеем говорить, чтоб понимать, - добавила она слегка косноязычно.

Они приехали и скоро оказались в кабинете. Порываев уж собрался спрашивать, но Гольдина опять сама заговорила..... Как бы нуждаясь в подтверждении своих предположений:

- Вы занимаетесь убийством Маргариты? И думаете, может, что способствовал племянник? Или - Валера Шанцев? Он так стремительно погиб, и у него ключи....

- Про Шанцева доподлинно известно – он тут не причем, - отмел одну из версий Порываев. – Он целый день и вечер находился дома, он работал. Там множество свидетелей – родители, соседи заходили.

- А я ещё скажу вам, что для него везла контракт – на целый год в Париже, в небольшом музее, реставратором. С Валерой я была знакома, он был на крыльях, как узнал об этих перспективах.

- А про пропажу двух картин, вы ничего не знаете?

- Вот я-то всё как раз и знаю. И именно Валера помогал мне их продать. Но только, раз мы разбираемся – давайте по порядку. И про племянника вам тоже будет ясно. Я рассказала Катерине после свадьбы, она решила записать, чтобы потом была история семьи. Чем мне рассказывать – пройдите по её запискам, займет не слишком много времени. А что там непонятно – объясню. И, напоследок, я скажу из философии: «Свобода есть свободный выбор между разными аспектами возможностей».

Алла вынула из сумки файл с листками той истории, записанной Катюшей.

Сначала шли воспоминанья Аллы после свадьбы Катерины, со слов:

«Борис Альцшулер не был в Вильнюсе два года, с тех пор, как умерла Агнешка», и далее, до слов: «Его теперь никто не мучил – он потерял сознание» - отрывок существует в тексте (смотрите выше).

Но Порываев всё внимательно прочел, естественно, что с самого начала. Вот что записано у Катерины дальше:

«Тем летом братья изувечили парнишку, не удержав на злополучной крыше. Удар был сокрушительно жесток, и повредились половые железы. А хуже, чем физическая

травма – у мальчика случился нервный срыв. В двенадцать лет - какие нервы у ребенка? С душою тонкой и настроенной к искусству?

Он долго тогда в клинике лечился, там, в Вильнюсе, под боком тети Инги. Туманные прогнозы терапевтов неутешительно готовили к проблемам – мужские функции стояли под вопросом, а, если быть точнее – под знаком минус. Как следствие жестокого падения явилась «эректильная дисфункция с посттравматической частичной атрофией», что уж скрывать - «репродуктивных органов». Все, важное для будущего мужа, разбито при падении с козырька. А главная и страшная проблема – ребенок плачет и не хочет больше жить.

Ах, эта тетушка, великая Ингиба!

Она работала в различных направлениях, и ряд из гормональных препаратов, принесший ей всемирную известность, был - все к тому вело - не за горами.

Но все ж, сначала, сделали лекарство с эффектом, корректирующим память. Тот психотропный Ингин препарат по формуле был очень необычен, а по эффекту - поразительно хорош. Он был, как корень мудрости для каждого, удваивал хорошее из прошлого, топил тревожный гнет воспоминаний....

А Ингеборга знала лишь одно: «Малыш в беде, во мне спасенье ищет. И, значит, я спасу, или умру!»

Она почти жила в лаборатории, и «колдовала», и смотрела на животных. Эффект, сначала, долго не присутствовал. И был получен, может, в сотый раз. Когда в итоге комбинаций элементов явилась чудотворная субстанция, по силе действия – сродни «живой воде», речь о которой есть в старинных книгах.

Она открыла - при особом сочетании

в отдельности известных элементов,

мы получаем ряд новейших препаратов

для «корректирования функций эндокринной,

а, также, дисбаланса гормональной

глубинной биосферы человека».

В итоге испытаний в ряде клиник

- на практике творили чудеса.

Профессор Ингеборга Голдунайте взошла звездой на медицинском небосклоне.

Успех принес признание и премии. Но, главное, своими препаратами она смогла помочь в лечении племянника. И мальчик ожил, и увидел в жизни смысл. Конечно, его только подлечили. Но за «клинический период» Алекс очень повзрослел, от тяжких дум вернулся к оптимизму, и это - главная заслуга Инги.

Он прожил в Вильнюсе почти, что целый год, и вовсе бы, наверно, не уехал.... Но..., видел в жизни цель, пришла решимость. И Инга, как ни трудно ей далось, благословила Алексея на отъезд....., в тревожный, трудный путь познания мира.

На памятных занятиях в детском хоре он выносил желанье стать певцом.

Действительно - природа одарила.

Дискант после мутации воскрес.

Развился у него прекрасный тенор,
и не писклявый, а летящий, неземной.

Все педагоги громогласно говорили:

«Прекрасный будет камерный певец.

Он и в спектаклях мог бы быть хорош,
но вот, увы, фактура подкачала.

Такой нескладный, худощавый, не артист».

***

Потом Екатерина разговаривала с мамой. Вера, неохотно, ей тоже рассказала, а дочка все записывала как стенографистка. Так вышло, что от первого лица. И дальше Порываев прочитал:

- Я Алика узнала на экзамене, когда приехал пробоваться в Гнесинский..., мне довелось ему аккомпанировать.

Тогда была я в творческом горении, да и по-прежнему - я обожаю музыку.

А он пришел – изящный юноша, мой принц, и протянул мне арию Хосе.... Клавир, чтобы смогли прорепетировать. С волнением взглянув тогда на ноты, его спросила осторожно: « Не боитесь?».

Я не привыкла, чтоб всерьез мне отвечали. Но он так странно мне тогда сказал: «Боязнь проступка – безусловно, правильно. Но, если о поступке будет речь, то плюнь на страх и сделай невозможное. А тут - лишь только арию пропеть. Пожалуйста, сыграйте, как помечено».

Когда он спел: «Как свято сохраняю, цветок, что ты мне подарила», я, честно, позабыла все на свете, и сразу же влюбилась в дивный голос, который, думала, поет лишь для меня. Его, конечно, взяли в институт – прекрасный тенор с превосходной подготовкой. А для меня тогда настало время счастья – он, Алик, позволял себя любить.

Сейчас, куда не глянешь – негатив. Одни измены, шоу-бизнес обезумел. И, главное, все тут же в телевизор, и все газеты переполнили скабрёзности. А мы узнали настоящую любовь. Алеша Золотов ещё был очень юный, ему едва сравнялось восемнадцать. А я его постарше на три года.

- Так как же Золотов, когда твой муж – Альцшулер?

- Сценический, так скажем, псевдоним.

Сначала мы поехали в Литву. И Алик пел там арии из опер.... А Ингеборга не могла не видеть, с каким волнением я тогда играла, и все дышало лишь влюбленным вдохновением.

Что говорить, Альцшулер был хорош – прекрасный принц, и позволял себя любить. Хоть дальше поцелуев и не шло, но я считала, что и так прекрасно. Он и в Москве со мной одной общался, и не похоже, чтобы жаждал приключений.

***

Олегу Порываеву было совсем не сложно, читая все подряд, самостоятельно выстраивать картину. Хоть Катерина записала все сумбурно, будто наспех, каким-то закругленным языком. Но он прекрасно понимал, что для гражданки Аллы много проще, чтобы рассказ о тех, не часто разглашаемых событиях, был им самостоятельно прочитан.... Чтоб не рассказывать в такой трагичный и печальный день туманные истории из прошлого. Тем более, листков-то этих было так немного.

Теперь, он посмотрел, опять рассказывала Алла:

« И юношей, уже студентом Гнесинки, Алеша Золотов сумел всем доказать, что создан Богом именно для пения. На конкурсе певцов имени Глинки он стал лауреатом третьей премии.

Но он все время ощущал свою нелепость.... Да, что уж там – досадную тщедушность в увеличительном стекле подмостков сцены.... Вдруг трепетному юноше открылось – не обольщаться, быть таким, каков он есть.

И он задумался - какой такой он есть? И, безнадежно, понял – никакой. Гормоны Инги только помогли, чтобы развился «по мужскому типу», а препараты, укрепляющие

психику, пошли на воспитание характера. Но дух окреп в совсем негодном теле. И с тетей Ингой был серьезный разговор.

- Ты, Алик..., мы..., - уж ты, конечно, помнишь, как бились за здоровье шаг за шагом. Есть человеческим возможностям предел. Не получилось, чтобы стал совсем мужчиной. Но сделать от тебя дитя возможно. Я это думала, чтобы продолжить род. Спроси у Веры – вдруг она согласна? А если нет, так мы найдем другую..., сейчас так много суррогатных матерей.

- А мне потом – быть суррогатным папой? Куда мне спрятать женственность манер? Уж лучше бы меня под нож хирурга. Пересадили яйца, вшили член, и стал бы я прекрасным баритоном.

- Ты можешь упрекнуть меня в бездумности? И думаешь, что, что-то не проверено? Тебе такая хирургия не показана – пустая трата времени и сил. Диагноз: эректильная дисфункция – прямое показание к смене пола.

Алеша, что тут скажешь, обомлел, обескуражен был такими мыслями.

- Да, Алекс, что же делать? Слушай правду. Мы брали у тебя сперматозоиды – там можно выбрать для оплодотворения. Ребенок будет, несомненно, твой, и наша кровь найдет развитие в жизни. А Вера – очень чистая душа, ты знаешь, бесконечно тебя любит. Мы создадим дитя в союзе с Верой, ты будешь мужем, а она родит. Вы регистрируете акт по документам, я прослежу, чтоб у ребенка было всё. Ты сделаешь себе другое тело, к чему твой организм и так стремится. Смотри - чуть не вколлот мужских гормонов, и голос твой намного выше стал!

Тут Алику вдруг вспомнились те платья, наряды незнакомой матери, в которых он разгуливал все детство.... Потом возникла мысль, что он артист. Но, что поделывать, существует ампула.... Как ни старался он нормально выглядеть мужчиной – он выглядел всегда нелепо, если не убого. Повсюду на него, он это замечал, смотрели, будто на изгоя.

Он вспомнил, как читал про Карло Фаринелли, кастрата и великого певца.... Но у того - невероятный голос.... Потом - другое время, средние века. И жил он в золоченой клетке, как придворный соловей. Да, нечего равняться – тот был гений....

Быть может, все-таки, переодеться на всю жизнь.... Не выглядеть нелепым мужичонкой, а стать певицей в элегантных туалетах.... Общительной и, все же - недоступной – ведь нравственность никто не собирался отменять.

***

Однажды вечером молоденькая Вера сидела с Ингеборгою в гостиной, и, вроде бы, смотрели телевизор, а Алекс где-то в доме отдыхал. И тетя Инга ей сказала откровенно:

- Давай с тобою женский разговор. Давно хотела поиметь возможность. Я вижу, вы ведь любите друг друга?

И Вера прошептала ей: «Наверное».

- Я вижу, можешь мне не говорить. Для вас любовь – большое испытание.

- Я думаю, у всех не просто так, - хотела Вера показать, что что-то знает.

- Ты, девочка, послушай, что скажу. С Алешей был давно несчастный случай. От травмы был фатальный результат, он не сумеет жить, как все мужчины. Не сможет дать любимой женщине познать улады в сексе.

- Да я, вы знаете, об этом как-то, впрочем.... Мне - только сделать, чтоб ему все хорошо.

- Я потому, что в современном мире, у многих главным делается секс.

- Вы, тетя Инга, лучше расскажите, что Алекс говорил вам обо мне?

- Конечно же, одно только хорошее. Иначе я б с тобой не говорила. Но я уже не молодая скоро. И Алекс - как единственный мой сын, хоть и дитя моей сестры Агнешки. Мне бы хотелось, чтоб продолжить род. Не знаю, как уж ты теперь посмотришь?

- Но, вы же мне сказали - не в порядке?

- Не могут выйти половые акты. Но сделать, чтоб родить смогли ребенка - наука сотворяет чудеса.

- И это будет наше с Юрой чудо? Об этом не осмелилась мечтать.

- Подумай, Вера, и, потом поговорим.

- Ребенка, от него? Да что тут думать.

- Но только чтобы все официально. И чтоб вы были мужем и жена.

- Ах, Ингеборга, я сегодня не засну. Или засну безудержно счастливой.

- Ты, лучше, крепко спи. Спокойной ночи. А, завтра Алекс к тебе свататься придет.

Так тетя Инга эту пару поженила.

И не было ни первой брачной ночи, и ни объятий, ни слияний, вот уж так.

Но был «совет», а, главное – любовь.

Вера Бугаева и Алексей Альцшулер в то время стали мужем и женой. И в Вильнюсе, в прекрасной частной клинике, под постоянным наблюдением Ингеборги, посредством метода «ЭКО/ИКСИ», малышка Вера понесла во чреве.

У Ингеборги, за научные открытия, в то время появилось много денег. Она для своих деток не жалела ничего.

***

В конце была приписка: ещё одно воспоминание от Веры:

Теперь скажу я в завершение, что Алекс мне принес подарки, когда уже Катюша родилась. Он так сказал: « У нас ещё есть тетя. Она - хорошая. Она - сестра отца.... Тебя я с ней попозже познакомлю. Она давно, когда я так разбился, мне положила в чемодан два талисмана, чтобы ждала меня хорошая судьба. Один из них – «Красный квадрат» Малевича, другой – автограф Даниила Хармса. Теперь мы с ней посоветовались и решили, что я их Катерине передам. Как некие фамильные реликвии.

«Повесьте, - это тетя мне сказала, - куда-нибудь, чтоб сразу было видно. Пусть вашу Катю с детства окружает лишь прекрасное».

Он называл её, как будто, тетей «Фалькой». Я и подумала – какое имя странное. А после – он простился и уехал.... Я тетю Фальку не видала никогда.

Но в жизни нашей, видимо – от Хармса, тогда и появилось слово «ЯКОБЫ».

«Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым» - так Хармс писал о том, когда глядишь и ничего не видишь. Все в этой жизни призрачно, и скрыто дымом.... А разобраться может только тот, кто может дым руками раздвигать.

***

Гольдина сидела неподвижно, пока Олег Андреевич не положил последнюю страницу. Он аккуратно выровнял довольно небольшую стопочку, засунул в файл, и посмотрел на строгу, застывшую в молчании посетительницу. Потом спросил:

- Скопировать? Или вы это для меня?

- Я приготовила для вас, - сказала Гольдина. – Потом, пожалуйста, здесь документы из Швейцарии, из клиники.... Здесь все – и заключение, что операция показана, и копии всех предыдущих документов: свидетельство о браке, о рождении Кати, о правомочности всех действий Аллы Гольдиной по поручению Алекса Альцшулера. Ещё я подготовила отказ от получения наследства в пользу Катерины, оформленный нотариусом в Цюрихе. И сделан апостиль - точнейший перевод на русский, заверенный нотариально.

Алла называла документы, и то же время их клала на стол, поближе к Порываеву. Он взял отказ от получения наследства, и быстро пробежал.

- Вы, значит, до тех пор, пока Екатерине не исполнится двадцать один, являетесь её опекуном?

- Ну, знаете ли, это – согласованный момент, - Гольдина до этого смотрела как-то отвлеченно, в дальний угол, теперь взглянула Порываеву в глаза. – А быть точнее – так просила Катерина. Я думаю, её легко понять. Это не значит, что могу руководить, или влиять. Но я почувствую, когда буду полезна. Я научилась на примере Ингеборги.

- А что насчет картин?

- Вот – документы.

Отсутствие ли макияжа, или следствие волнения, но эта грустная, но деловая... женщина смотрелась очень даже беззащитно.

– Они в порядке, так что вы не сомневайтесь. Я требую печать на закорючку, да и на все, что может быть подвержено сомнению, если это документ.

- Да? – вдруг припомнила она, - а вам не нужен договор Парижского музея с бедным Шанцевым? Хотя, вы, я смотрю, разобрались....

Порываев перекладывал полученные документы, и спросил:

- Вам лучше, чтобы я связался с Нойкиным по поводу отказа от наследства?

- Да, - подтвердила Гольдина, - уж если вам не трудно. Я не знакома с ним, а что-то объяснять....

Она теперь сидела, выжидая, но, прежде чем закончить разговор, майор спросил:

- А что вы, Алла, может быть, предполагаете, кто мог такое совершить? Ведь Маргарита-то убита.

- Что я могу предположить? Единственно, что точно знаю – это не случайность, - Алла Гольдина листала свои мысли, и ни один листок не попадался ей, заверенный печатью. – Марго специально не держала от меня каких-то тайн, и не любила попусту болтать. Но, если б было что-то важное.... Это неправильно, что мы так редко виделись, но так распорядилась жизнь.

Она немного помолчала, а он не знал, что спрашивать. Спросил:

- А как вы долго будете в Москве?

Гольдина вздохнула, поднялась, проговорила:

- Да..., я всегда в Москве..., за исключением тех долгих месяцев, когда я уезжаю. Там я визитку положила. Вы позвоните. Я приеду, если нужно.

Шагнула к выходу.... Вдруг повернулась и сказала с убежденностью:

- Я говорила вам, насколько я в вопросах документов педантична. У Маргариты это слабость была гипертрофированна. И я не верю, чтоб кто-то замышлял такое сделать с ней, а Маргарита не подозревала. Она, возможно, не поверила в серьезность. Но быть не может, чтоб не пыталась себя как-то оградить.

До «Мариот – Тверской» они доехали мгновенно. Порываев, было, кинулся помочь, но Алла выбралась сама. Он проводил её к подъезду. Она спокойно, не протягивая руку для прощанья, проговорила:

- Что же, до свиданья.... Желаю вам удачи. Чтоб вы разобрались, чтобы виновный был наказан за Марго.

- Ну, что ж, тогда и вам – всего хорошего.

В тихом омуте, в Ильинском....

Сережа Нойкин был доволен соотношением действий с результатами по исполнению посмертной воли госпожи Альцшюлер. Он выполнил почти что все, что поручила ему сделать Маргарита в том случае, когда она умрет.

Особых чувств он никогда к ней не питал, но, скажем, «дружеский» период их недолгих отношений действительно пошел ему на пользу. Он возмужал, окреп, определился.

Человек он был весьма порядочный, относился к Маргарите с теплотой и уважением, и даже не предполагал, что это тайна, о чем он рассказал тогда в квартире на Грузинской. Во всяком случае, он был всегда уверен, что все об этом знают. Он не считал предосудительным, что молодые люди ублажают, выражаясь мягко, «зрелых» дам.

Но речь тут не о нем. Он выбрался из дыма лишь случайно...., статистом, подающим реплики тем персонажам, о ком эта история.

Давайте вспомним, что успел душеприказчик с тех пор, когда Марго не стало:

1. Он произвел ревизию имущества на городской квартире. Кстати, Порываев с ним связался после встречи с Гольдиной и рассказал, куда девались два исчезнувших шедевра. Так что всё было в порядке.

2. Он отыскал не только внучку.... Нашел ещё и близкую ей женщину, которая покойную любила, незамедлительно приехала в Москву.

3. Тело Маргариты уже преобразено кремацией. (Не позволяет, видимо, простое человеческое чувство употребить здесь выражение: «подвергнуто»).

4. Есть от племянника бумага, что отказался в пользу дочери (источник – Порываев). Документ пока не у него, но завтра же Сергей его получит и приобщит к делам.

Осталось только осмотреть Ильинское, чтобы была документация в порядке, и выяснить у Катерины её намерения в отношении жильцов. Хотя это, впрочем, и не важно.

Прах Маргариты может находиться в морге до назначенного срока. Выходит, что сегодня подойдет конец активным действиям Сергея, как исполнителя последней воли Маргариты. И только, через нужный срок, прах установят в склепе на Ваганьково.

Тогда Сергей отдаст все документы Катерине и сможет получить свой гонорар, с сознанием исполненного долга.

В понедельник поутру Сергей отправился в Ильинское. Он никогда там не бывал, достаточно свободно ехал на машине и поражался красоте окрестных мест.

Сторож, как и договаривались, ждал на «пяточке», как по старинке называли место разветвления дорог. Сергей забрал его в машину, чтоб показывал, как ехать. Эдуард Семеныч умудрился очень много рассказать за очень небольшой отрезок времени. Теперь Сергей прекрасно знал, что где-то, (он оставил без вниманья), здесь дача Эдуардова отца. Ведь он когда-то тоже был землевладелец. Зато у Нойкина остался в памяти гараж – там Эдуард Семенович устроил автосервис.

Имение Альцзулер, без всяких скидок, конкретно подходило под это громкое название. Забор, по предложенью Эдуарда и разрешению Марго, был по всему периметру высокий и глухой. Участок, по теперешним понятиям, был огромен. Дом был, конечно, капитальной постройкой, но изрядно обветшалой – его бы надо было подновить. Марго не делала распоряжений, а со многим, что хотели арендаторы, беспрекословно соглашалась. Единственно - по её просьбе Эдуард собственноручно уничтожил спортивную площадку – на этом Маргарита просто настояла.

А сад? - было заметно – одичавшие деревья давно не ведали заботливой руки.

Сергей все осмотрел снаружи дома, и внутри. И впечатление сложилось неплохое.

- Ну, что же, Эдуард, по батюшке Семеныч, - сказал он в завершение осмотра. – Жильцы пока пускай живут, а вы с арендной платой, это просто, пожалуйста ко мне в контору. Вот вам моя визитка, там и адрес, телефон. А я составлю ведомость, туда все суммы занесем, чтобы потом наследнице представить.

- Как так наследнице, а Алексея, что – не отыскали? – вдруг удивился Эдуард, и Нойкин, может быть, впервые посмотрел на коменданта - так неожиданно и живо

прозвучал его вопрос. И Нойкин удивился, что Эдуард, возможно, не такой уж и старик. Глаза смотрели остро и настороженно.... Не проявлялась старческая скованность.... Напротив.... Он был кряжист и, похоже, что достаточно силен. Никак уж не развалина. И даже повторил вопрос:

- А где же Алексей?

Нойкин уже думал уезжать, а не рассказывать подробности какому-то невзрачному субъекту.

Но день лишь начинался, и с крыльца, где он в то время задержался, просматривался вид, столь непривычный городскому глазу – просторы, скопище деревьев, прозрачный воздух, концентрированный загородной свежестью. Ему вдруг захотелось постоять здесь несколько минут, он вынул сигарету, и уже собрался прикурить, как неожиданно услышал:

- Вот и тогда - я также вышел на крыльцо, поскольку приходил к Борису.... Чего же они только там не вытворяли!

Сергей взглянул на старика, и вид его был также странен, как слова. Глаза сощурились, он как бы подобрался телом, предчувствуя, какое впечатление произведет его рассказ. Тут Нойкин, хочешь, иль не хочешь, а спросил:

- И что же вы тогда увидели?

- Как разрушается прекрасная семья, - тут Эдуард, как будто, захихикал. А может – запершило в старом горле.

Сергею Юрьичу, конечно, стало интересно. Он сунул коменданту сигареты. Тот отказался, даже головою покачал. Тогда Сергей сказал:

- Что тут загадки говорить. Хотите – расскажите.

И он услышал, как однажды, в тихий час после обеда, Таисия не захотела, как обычно, качаться в гамаке, а постелила покрывало на траву среди деревьев замечательного сада.

Наверно, через год после того, как здесь был Алик, сын Бориса. (Здесь комментарий потому, что мужа Маргариты звали тоже Алексей).

Марго была в то время в городе, кто помнит – почему?

А муж её, прекрасный олимпиец, еще не приезжал со сборов.

Зато Василий и Геннадий, обнаженные спартанцы, они-то оказались тут как тут. И что они такое вытворяли над Таисией Авдеевной! Недаром дед их называл: «Бубновый мой валет». Наупражнялись над Таисией они тогда валетом!

Они, наверно, где-то час над ней глумились. И кто их научил? – они такое вытворяли.

Не знаю, чем бы все закончилось, но тут явился их отец.... Он что-то гаркнул им без слов, издал какой-то звук. Их будто ветром сдуло – так они его боялись.

Тогда он бросился к Таисии. Та – в жутком виде..., голая, идти не может. Он поднял её на руки, понес.... И в это время появилась Маргарита.

- Так вы-то что, куда смотрели? – невольно, в общем-то, случайно буркнул Нойкин.

- Туда я, извините, и смотрел, - чуть ли не с издевкою ответил Эдуард. – А, что мне было делать – тут семья. А, может быть, у них такое принято? И что же я, полезу, посторонний? Хоть, слава Богу, я потом молчал.

- И как все кончилось? – почти без интереса бросил Нойкин. Но, что услышал, было неожиданно.

- Марго в тот день Прибегина из дома прогнала, а через месяц – развелись. Ведь Алексей о близнецах ни словом не обмолвился, да и Таисия молчала. Как скажешь матери такое о любимых сыновьях?

Тут Нойкин искренне подумал: «Бедная Марго».

А Эдуард хотел что-то добавить, но только и промолвил:

- Бедная Таисия! Она все время в скромницах ходила, а тут случилось помрачение мозгов. С тех пор – периоды. Она – то ничего, а вдруг – как будто бы накатит!

Нойкин неспешно докурил..., увидел – Эдуард ушел в себя....

Тогда он осторожно тронул коменданта за плечо:

- Так, не забудьте, Эдуард Семеныч, – он соскочил с крыльца и быстро зашагал к калитке.

Ведь Нойкин был юрист уже давно.

Его не просто было удивить и более чудовищной историей.

«Полюбил богатый бедную....»

- И что же мы сегодня будем делать? – прошло уже три месяца со свадьбы, и Кате надоел «медовый» месяц. Они ходили в гости, в рестораны, а к ночи, непременно, в казино.

Удача, как при первом посещении, не встретила их больше никогда. Антон совсем не думал униматься. Назавтра всё «богатство» просадил, а ночью убивался в жутком горе.

- Послушай, милый, что за обязаловка? Давай поедem в Суздаль, в Петербург..., Куда-нибудь..., чего же не поехать? Ты знаешь, когда крутится рулетка, меня не возбуждает общий стон, и бесноватость всех переживаний. Уж лучше бы сходить в консерваторию. Приехал знаменитый Хворостовский, и мама обещала мне билеты.

Антон за Хворостовского схватился.

- Когда же замечательный концерт?

- В субботу. Послезавтра. Я скажу?

- Скажи, конечно, может и пойдem.

Незнаю как обрадовалась Вера, что Катя с мужем хочет на концерт.

Но вечером ходили в казино, и там всё без остатка проиграли.

- Ну вот, теперь совсем уже без денег....

Они, как сели в Катин «БМВ» - полученный подарок Ингеборги - на нем теперь повсюду разъезжали. «Лэнд Ровер» свой Антон отдал в ремонт, да всё не получал ещё обратно.

- Продай «Лэнд Ровер», что нам две машины? - Катюша повторяла вновь и вновь..

- Наверное, что делать, но придется. Меня зовут оформить кинозал.... С деньгами разберемь, и надолго.

- Когда же у тебя переговоры?

- Хотят в начале следующей недели. Надеюсь, что подпишем договор. Дадут аванс, и -

- Ты начнешь работать, а я тебе – что силы помогать.

Но в эту долгожданную субботу, когда Улановы готовилась в концерт, Катя не стала, как то делала обычно, разнеживаться в ванной два часа. Она специально сократила процедуру, чтоб в интернете познакомиться с программой, которую в тот вечер пел певец. Прошла к компьютеру на нужную страницу, но вздрогнула от голоса из спальни. Антон, уже привыкший, что Катюша барахтается в ванне, как наяда, вел важный телефонный разговор....

- Вы знаете меня не первый день. И дядя... - тут прервался, чтобы слушать.

- Что из того, что он не дал гарантий. Вы знаете, я с ним договарюсь.... А все проценты будут в понедельник. Жена купила мне «шестёрку БМВ», «Лэнд Ровер» я поставил продажу.

Екатерине было вдвое неприятно – и - слушать посторонний разговор, и слышать эту странную неправду, враньё о положении вещей.... Но, все-таки, не зная - почему, свое присутствие Антону не открыла. И продолжала слушать этот бред, с финалом на отнюдь не бодрой ноте.

- Послушайте, теперь недолго ждать. Моя супруга схоронила бабку. Старушка одинокой умерла, и всё наследство завещала Катерине. А там - одних картин на миллионы, дом прадеда стоит на Новой Риге.... Сполна вам отдадим, недолго ждать.... Да, что вы, нету брачного контракта, в семье у нас единый капитал.... Ну, ладно, подвезу вам документы.

Антон через момент стоял в дверях. И вовсе не испытывал смущенья. Он даже, как бы воодушевился, что может обсуждать свои дела.

- Да, да. Все это давние долги. Они все разом будто взбеленились, и требуют немедленно возврата. Решили, что женился на богатой. Ты знаешь же, что это все не так...

-Конечно же, и как же мне не знать, что я бедна, а ты прекрасный принц? Я думала, ты тоже это знаешь. Узнал меня, и до себя вознес.

- Да, что ты Катя, сказочные бредни. Такое думать в двадцать первый век.

- И что, теперь уже другие чувства?

- Но мы же встретились, и я тебя люблю.

- Цыганка нагадала, что кого-то....

Антон замолк, и опустил глаза, как будто обращаясь к своим мыслям. И бережно, как будто посторонней, пересказал свою историю любви.

- Ты, девочка моя, я..., ну, ты же помнишь? Я – спрашивал? Кто – ты? и с кем живешь? Я знал, мне так цыганка нагадала. Но, скольких бы я мог в тот день увидеть? Возможно, что тебя бы не узнал, когда бы сердце мне не подсказало.

И Катя думала, какая же всё правда, что их в тот день свела сама судьба. А принца - ей мечта дорисовала, чтоб сказочный случился вариант. Одно могло всерьез её тревожить – безделье и пристрастие к игре. Ещё возник негаданный вопрос:

- Про бабушку – какое там наследство?

- Ну, надо было что-нибудь сказать, чтоб чуточку отстали кредиторы. А так..., тебе, что, разве не сказали? Тот, помнишь, малохольный адвокат..., Что всё от этой тетушки Альцшулер достанется теперь уже тебе? Куда-то задевался твой папаша. Я был уверен, что тебя-то просветили.

- Нет, что ты, мне никто не говорил. Мы можем разузнать, раз нету денег?

- Не будем узнавать мы ничего.... Ведь ты не знала о такой «бабуле». А я тебя узнал совсем недавно. Напомни мне, когда тебя узнал?

- Число и день горят в моей душе. Но, вот, Антон, тебе бы кинозал.... Твой ресторан – лицо прекрасного дизайна. Раздашь долги, и будем без проблем. И так бы жили, если б не рулетка.

- Тут ты права – с игрой пора кончать. Да, Катенька, мы будем жить прекрасно.... Ты понимаешь.... Обязательно.... Конечно.... Каждый раз....

Он ещё долго распинался на все возможные лады.

Потом нашел причину, почему сегодня он никак не сможет на концерт....

А Катя все-таки пошла на Хворостовского.

Она смотрела на певца, и каждая пропетая мелодия рождала отклик у неё в душе. У Кати к горлу подступал комок, и слезы радости просились на глаза....

«Какая разница, что ты мне не отец, - восторженно подумала она, - и не напрасно я тебя любила. Теперь я знаю, что такое гениальность..., чем Бог тебя столь щедро наградил. Спасибо, вычисленный мною папа Дима».

Она после концерта приехала в тот загородный дом, где жили эти месяцы. Входить в него одной казалось странным, и более – довольно неприятным. Вторгаться, так казалось, к посторонним.

Антон приехал в половине первого. Рассказывал, что ездил в Шереметьево, чтоб встретиться и что-то обсудить. Катя встала, чтобы сделать ему чай. Когда она все приготовила, пришла из кухни, Антон уже успел залечь под одеяло, и заснул.

Катя неспешно подошла, чтобы собрать его одежду, разбросанную наспех на ковре. Когда взяла пиджак, оттуда вывалились и мгновенно раскатились две знакомых фишки, разменные монеты «Golden Pasase».

Катя задумалась – насколько же Антон готов завязывать с игрой?

Но, все-таки, хоть что-то изменилось, и жизнь Улановых теперь была другая. Антон, действительно, работал над заказом, и перестали каждый вечер выезжать.

Екатерина, наконец, вздохнула с облегчением. Ей, честно, с самого начала не понравилось, что всюду, где они бывали, Антон встречал знакомых и друзей. В местах, что называют злачными, его приветствовали, пожимали руку и, даже просто, издали кивали.... Так много всяких молодых людей. И – дамочки «бальзаковского возраста.... Кто - сдержанно, кто – с радостной улыбкою, а смысл один: « Good evening, Антуан»..... Антон ей сам сказал: «Я вынужден стараться там бывать, где можно повстречать заказчика. А эти дамы – жены меценатов, и через них порой случается заказ».

Прошло почти, что восемь месяцев со времени их свадьбы, жили по-прежнему у дяди и ждали, как закончат делать мастерскую.

Не помышляли заводить детей – надо устроиться с жильем, обзавестись хозяйством. Тот дом, где Катина родня купила им квартиру, уже стоял под крышей, ждал отделочных работ.

Душеприказчик позвонил порадовать – отец Екатерины отказался от наследства в её пользу.

А Алла Гольдина открыла Кате все подробности её рождения, когда узнала, что погибла Маргарита, и тут же принеслась в Москву.

Тогда они и провели за разговорами весь вечер – певица Алла, дочка Катя, мама Вера.... Нельзя сказать, чтоб Катю потрясло – она, конечно, крайне удивилась....

Но фатализм, подспудно, незаметно, внедрился в её мироощущение. Чем можно удивить теперешнюю молодежь? Ответ возможен лишь один.... Ведь очевидно, что – ничем.

***

Алла тогда взглянула на Малевича, на искривленный четырехугольник, названный квадратом....

- Вы знаете, что говорил когда-то Казимир, - она рассказывала преднамеренно, не сомневаясь, что притихшим девочкам её слова не могут быть неинтересны. – Он говорил про свой «Квадрат», что это – чувство. А остальное белое пространство – пустота.

Теперь она приблизилась к стене, пришла к Малевичу, а сбоку на неё смотрел автограф Хармса.

- У нас, конечно же, один из вариантов. А тот «Красный квадрат», из Русского музея, имеет сзади, на холсте название, придуманное автором. Малевич называл эту картину «Женщина в двух измерениях». Я думаю, что это – мой портрет. Поскольку измерений у меня, пожалуй, два. Одно, конечно, в высоту, другое – в глубину. И внутренним, своим глубинным миром - я живу.

***

Порываев никому и ничего не сообщал. Дело Альцшулер продолжало быть открытым, а время, когда прах Марго поставят на Ваганьковском, хоть медленно, но верно приближалось.

***

Внезапно адвокату Нойкину последовал звонок. Эдуард, как было оговорено, исправно доставлял полученные деньги, расписывался, отдавал секретарю, за исключением назначенной зарплаты. Нойкин, может, пару раз его и видел.... И вот он позвонил.

- Ко мне приехал тут один товарищ.... Так что, мне к вам его направить? - толковая, что скажешь, информация.

Оказалось, что в Ильинском появился человек, и спрашивает про семью Альцшулер.

- А, вы спросили, он представился? – хотел узнать Сергей.

- Конечно же, - ответил комендант. – Это сын Маргошиного мужа от второго брака.

У Нойкина мелькнуло: «И на что уходит время»? И, чтоб отделаться, спросил:

- Сейчас он там? Так дайте ему трубку.

Тот человек представился по-деловому, вкратце. Зовут его Борис Прибегин, а когда-то Алексей Прибегин, его отец, был мужем Маргариты. Пять лет назад он умер и оставил сыну порученье – навестить Марго, и что-то передать. У Бориса не сложилось это сделать сразу, потом был в армии контрактником. Недавно вышел срок, и он в Москве.

- Я выяснил - Альцшулер умерла. Но мне отец рассказывал про дом в Ильинском, я и отправился сюда - узнать, может какие родичи остались живы? И кто-нибудь про братьев сможет рассказать? Тут, к счастью, Эдуард Семеныч, он рассказал мне, что он знал. Вы, может, знаете кого-то – как бы мне связаться?

Сергею вспомнился его приезд в Ильинское, воспоминанья Эдуарда.... Навряд ли он такие опусы откроет брату. А, впрочем....

- Звоните завтра, постараюсь разузнать....

Контрактнику Борису повезло. В Москве в то время оказалась Алла Гольдина, и согласилась, чтобы Нойкин дал Борису её номер.

***

Раздвигать руками дым – какое трудное, порою непосильное занятие. В этой истории какие-то моменты удалость обрисовать с определенной ясностью. Но скрыть, что иногда,

без всякого предупреждения, идут страницы дневника Екатерины, не стоило стремиться, да едва ли удалось. Она, хотя не стала музыкантом, всегда старается выдерживать определенный ритм. Она справляется, но, может быть, в ущерб необходимой скрупулезности, приверженности фактам. Прискорбно, что её записки, те, что смогли спасти сквозь едкий дым из безвозвратного хранилища, куда нередко отправляют рукопись, пришли к концу. Остались только два листка, немного сморщенные, со следами копоти, поджаренные по краям.

Тут вновь на ум приходят строки Даниила Хармса:

- Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками дым.

Меркнет гордостью сокрушенное выражение лица твоего,

Исчезает память твоя и желание твое — Трр.

А в этой путаной истории не исчезает память.... Просто полностью она уже исчерпана, осталось лишь свести концы.

И взять у Хармса его «Трр.», осмелиться слегка переиначить....

Чтоб прозвучало убедительное «Тпру...», когда наездник подает команду....

Итак - последние страницы, а с ними – завершение рассказа.

***

Нойкин дал Борису Аллин телефон, тот тут же позвонил.

Они условились, что встретятся в кафе на Маросейке. Борис пришел чуть раньше, ждал у входа. Был принаряженный, с цветами, как жених.

И Алла поначалу растерялась.... У входа ждал с цветами Гватемал. Прошло мгновенье, прежде чем она опомнилась, и подошла к Борису.

Пришедший был, конечно, зрелый муж, брутальный эталон девических мечтаний. Косая сажень, римский профиль, и орел. Но взгляд орлиных глаз, на этот раз, был чист и даже детски простодушен.

Он все же был похож на Гватемала. Не то, чтоб это сходство поражало. Единый тип, фигура, общий вид. Как весь отобранный кремлевский полк солдат – подогнанный стандарт, глаза горят присягой.

Совсем неважно, что он говорил, и все равно, что Алла отвечала....

Борис не мог понять, что происходит. Что привлекло его, манило в этой женщине. Хотя он в то же время что-то плел:

- Мой папа был когда-то её мужем, и всё мне перед смертью рассказал. Она была возвышенная женщина, и он её любил и уважал. И наказал мне, ну, буквально перед смертью, чтоб я к ней обязательно сходил. И попросил бы за него прощенья.

У Аллы было чувство, будто рядом Гватемал: такая братская любовь, какие-то флюиды.... Но нити разговора не теряла:

- Да, жалко, что вы раньше не могли. Но вряд ли это что-то изменило. Она теперь уже простила всех.

***

Завтра утром предстояла процедура на Ваганьковском.... И Алле очень захотелось, чтобы этот неожиданный Прибегин туда пришел.... Ведь Маргарита, пусть незримо, будет там. Пускай предстанет перед нею сводный брат её мальчишек, и сможет попросить прощения за Алексея, олимпийского супруга.... Да, будет хорошо, чтоб он пришел.

- Простите, Алла, будний день, у вас дела, - Борис смотрел едва не обреченно. – Что, если приглашу вас в ресторан?

Сегодня был забитый день, так много встреч. Но, непонятно почему, она ответила:

- Конечно. Давайте с вами съездим на Арбат. Пусть людно, но зато воспоминанья.

В довольно симпатичном ресторане их разместили без проблем и очень быстро – уютный столик в «фонаре» возле окна. Вид сквозь стекло мог быть и зрелищем и фоном, игрою бликов и движением фигур – эффект весьма глубокой тонировки и полной изоляции шумов.

- Если несложно, закажите за меня, - последовала просьба от Бориса. – Нечасто я бываю в ресторанах.

- Здесь не найдешь моих любимых блюд – «лохнес ин джюн» и отварное «йети». Но я, наверное, рискну из их меню хоть что-нибудь чуть-чуть поковырять. А вам, давайте, мяса и вина.

- Давайте. Я чуть-чуть поковыряю. Не буду же я есть, когда вы здесь.

- Тогда, давайте, будем пить вино. Ну, а потом – за руль поочередно. И будем мы в участке ночевать.

- Ну, нет уж, я такого не хочу. У них, наверно, много разных камер. И я тогда не буду видеть вас.

Тут Алла посмотрела на Бориса - сплошные шутки, строгие глаза. А взор его как будто вопрошал. Заметно, что пытался это сделать.

Шло время, а они ещё сидели.... Пока Борис не вымучил вопрос:

- Что сделать, чтобы вы меня любили?

Алла серьезно посмотрела на него. Ещё серьезнее она ему сказала:

- Борис, давайте вспомним Перельмана. Недавно математик Перельман, его зовут в науке просто Гриша, дал доказательства блистательной гипотезе, какую выдвинул давно Пуанкаре. За сотню лет никто не доказал, как ни старался. Теперь гипотезу Пуанкаре считают теоремой Перельмана. Не знаю, я в науке не сильна.

Загвоздка вся у них в трехмерной сфере, которую представить невозможно.... Поскольку это шар, натянутый на что-то, ушедшее в другое измерение. Пуанкаре предположил гипотетический шнурок, и, что трехмерной сфере, ей одной, из всех фигур трехмерных измерений, как избранной, дано стянуться в точку, если тянуть за этот гипершнур. Это, пожалуй, трудно и представить.... А Перельман не только доказал, но и почти что отказался взять награду. За это доказательство положен миллион.

Вы не пугайтесь, что я рассказала, не думайте, что я сошла с ума. Не стану вас терзать своей историей. Она вполне сродни трехмерной сфере, удачно стянутой немыслимым шнурком. Но дело в том, что я, как Перельман. А вы – как миллион передо мною.

И я отвечу, как и Перельман. Вот как пересказал их разговор директор фонда, присудившего награду. Вот приблизительный фрагмент из Telegraph: «Он сказал, что в какой-то момент сообщит мне о своем решении. Но не сказал и приблизительно, когда же это будет. Не думаю, что это будет завтра». «Не каждый день ведь кто-то, даже в шутку, реально размышляет о возможности про свой отказ от миллиона долларов».

***

Прошло полгода после смерти Маргариты, были исполнены все пункты завещания. Настал последний ритуальный день – прах Маргариты помещали на Ваганьково.

Из всех присутствующих только лишь Антон смотрел на ритуал, как на спектакль, задуманный капризною бабулей. «Уж больно ей хотелось, чтоб запомнили. Полгода будоражила всем память».

И только Алла, изо всех - одна, несла крупицу скорбного волнения. Она не забывала тетю Фальку, ей наивный, трогательный взгляд сквозь призму многих искренних утопий.

Народу собралось совсем немного: Андреев, Нойкин, Строев – три её богатыря, Таисия и Эдуард Семеныч; конечно – Вера, Катя и Антон.

Алла всем представила Бориса – он был с букетом и принес венок для братьев.

Пришел Олег Андреич Порываев. Он появился как-то сбоку, неожиданно, будто гулял по кладбищу и вышел к ним случайно.

Прах привезли в торжественном пакете – так урну получили в крематории.

И Катерине, как наследнице, душеприказчик отдал ключ, чтобы открыла склеп.

Она взяла салфетку протереть то место, между сыновьями.... Но тут же обнаружила там что-то, наподобие пакета. Она достала.... Оказалось, что пакет, как бы письмо.

Надписано рукою Маргариты: «Моим родным».

Катя в растерянности повернулась к Алле. Та бережно взяла нежданное посланье, и взглядом обратилась к Нойнину. Сергей умел принять решение:

- Читайте!

Алла глянула на первые слова и рассказала, как спросила:

- Сначала - обращение ко мне.

Но Нойкин - то уж точно знал, как надо:

- Если - не лично с просьбой к вам, и не семейные секреты поверяет, то, так уж нужно, - прочитайте все.

И Гольдина, с огромным пиететом, взялась читать послание к живым.

« Я знаю, Алла, ты удивлена, что я живых тревожу, когда меня уж нет.... Но, если я болела тяжело, или от сердца умерла внезапно - в больнице, дома, но в присутствии людей, и смерть моя – естественный конец, то я прошу прощения за всё, и мой наказ – живите счастливо и долго.

Но если же насильственная смерть, что доказала экспертиза, но следствие ещё не обнаружило убийцу, пусть прочитают эту странную историю, пока что не имевшую последствий, но пропитавшую тревогою предчувствий мои, пока безоблачные дни.

Мне, в целом, на людей всегда везло, и я за это жизни благодарна. Все говорили, я открыта и доверчива, но разве дело – принимать людей в штыки? Однако же недавно вышел случай.... Как вспомню, так, буквально холодею. Когда меня не то, что разыграл, а напугал своим преступным поведением случайный незнакомый человек. Тот юноша, лет двадцать с небольшим. И, вроде бы, назвался - Антуан.

Он подошел на вернисаже «Мир Искусства», и вдруг сказал: «Как рад, что я вас встретил. Не возражаете, я буду только рядом, чтобы смотреть с вниманием экспонаты, какие выберет ваш утонченный вкус».

Тут Алла смолкла - дух перевести. Кругом все ошарашено внимали. Но Катя все ловила на лету, и в ужасе на мужа посмотрела.

Тут он, за два огромнейших прыжка, был за оградой и метнулся по аллее. Только Борис, потомок олимпийцев, а, может быть, и вовсе - гончих псов, рванулся вслед, не медля ни секунды.

Уланов, форс-мажорной силой старта, сумел создать дистанцию отрыва. Он, краем глаза, справа, меж могил, увидел гроб на катафалке и толпу, в которой ему можно потеряться. Через секунду он воткнулся меж людей, и зашагал, поникнув головою.

Процессия приблизилась к могиле и стала строить круговое окружение. Антон смотрел, как дальше выбираться, но кто-то вдруг схватил его за руку. И молвил голосом, с которым не поспоришь:

- Не дергаться и двигаться со мной.

P.S. У Порываева давно возникли подозрения. Еще когда разбился Шанцев.... Эксперты, осмотрев машину, писали в заключении, что кто-то перерезал тормозные шланги. Олег Андреевич узнал, что Эдуард Семенович предложил отрегулировать машину, когда Валера подвозил его. Он занимался с Шанцевской машиной накануне, а утром следующего дня Валера Шанцев улетел на ней же в Язу.

Порываев посмотрел, что есть на Эдуарда, запросы сделал на его родню. И выяснил, что Эдуардов внук три месяца назад взял замуж Катерину, внучку Маргариты.

Эдуард Семенович «окручивал» Марго, когда погибли сыновья. Они разбились на машине, прошедшей техосмотр в том автосервисе, что обустроил «комендант».

А репутацию Антона можно в двух словах озвучить – он был почти что шулер, и намного больше, чем обычный жиголо.

План был совместный, Эдуард достал ключи, а Антуан подсыпал Маргарите клофелин. Устроил на кушетке, придушил подушкой, включил конфорки.... Вот только пес поганый укусил – Антон ногой ударил так, что бедный отлетел. С его клыков, и шерсти возле пасти смогли взять кровь и сделали анализ. А на икре Уланова недавно зажили следы укуса.

Замыслы у деда с внуком были дальние, могли осуществиться, но..., Господь располагает.

Екатерине это было, как урок, и он пошел на пользу. Она теперь уж не плывет по воле волн, успешно учится в ИНЯЗе, посильно помогает маме Вере. Они теперь, все чаще, обитают на Грузинской.

Сюда нередко приезжает Алла – она забыла «Мариот-Тверскую». Когда есть время, Катя выезжает с ней на разные гастроли, знакомится с другими странами. Она не редко ездит к Ингеборге – та очень любит девочку, болеет за её успехи.

А после гонок на Ваганьковском, в тот жуткий день разоблачений, у Аллы и Бориса был короткий разговор. Она до этого полночи не спала, и вышла победителем всех искушений. Она давно вступила на одинокий, гордый путь. А впечатления, и чувства – всё проходит.

- Вы знаете, что сделал Перельман? – спросила тогда Алла у Бориса. - Он отказался, не давая объяснений. Но я совсем не Гриша Перельман. Хотя бы денег тоже не взяла.

Они немного отошли от кладбища и задержались там, откуда шли пути во многих направленьях. Борису показалось, будто Алла медлит уходить. И он спросил чуть слышно:

- Может, можно что-то сделать?

Она смотрела грустно, очень отстраненно, но твердо и уверенно ответила:

- Поверьте мне, я очень сожалею....